

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТЕЗИСЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «МОЛОДЕЖЬ ЕВРОПЫ И РОССИИ»

ТОМСК 2017

УДК 304
ББК 60.542.15
М 754

**Международная молодежная научная конференция
«Молодежь Европы и России»**

Сборник тезисов

Редакторы: Л.В. Дериглазова, С.Н. Мирошников

Составители: И.В. Губарева, А.М. Погорельская

Аннотация: Сборник представляет тезисы участников международной молодежной научной конференции «Молодежь Европы и России», проходившей в ТГУ с 24 по 26 апреля 2017 г. Для студентов, преподавателей и специалистов, занимающихся проблемами молодежи и для всех, интересующихся проблемами положения молодежи и способами их решения в Европе и России.

Информация о грантах:

Сборник подготовлен в рамках гранта Центра превосходства им. Жана Монне № 565724, руководитель Л.В. Дериглазова, профессора ИФ ТГУ, и Центра исследований международных организаций и сетевых структур (ЦИМОСС), руководитель С.Н. Мирошников, доцент ИФ ТГУ, Лаборатория социально-антропологических исследований, проект «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.В25.31.0009), руководитель И.В. Нам, профессор ИФ ТГУ.

Центр Превосходства им. Жана Монне
Центр исследований международных организаций и сетевых структур
(ЦИМОСС)
Томский государственный университет

МЕЖДУНАРОДНАЯ МОЛОДЕЖНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«МОЛОДЕЖЬ ЕВРОПЫ И РОССИИ»

Расписание работы конференции

24 апреля 2017 г., понедельник

Время	Мероприятие	Место
09.00 – 10.00	Регистрация участников	Аудитория 209, Главный корпус ТГУ, пр. Ленина, 36
10.00 – 14.00	Доклады участников конференции	Аудитория 209, Главный корпус ТГУ, пр. Ленина, 36
13.00 – 14.00	Обед	Кафе «Кофешенкь», пр. Ленина, 63
14.00 – 18.00	Доклады участников конференции	Аудитория 41, Третий корпус ТГУ, пр. Ленина, 34

25 апреля 2017 г., вторник

Время	Мероприятие	Место
09.30 – 10.30	Доклады участников конференции	Аудитория 41, Третий корпус ТГУ, пр. Ленина, 34
10.30 – 12.10	Мастер-класс «Социальный запрос на супер-героя: культура комиксов и современная молодежь». Д.С. Коньков, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории	Аудитория 41, Третий корпус ТГУ, пр. Ленина, 34
12.30 – 13.00	Завершение работы конференции	Аудитория 41, Третий корпус ТГУ, пр. Ленина, 34
13.00 – 14.00	Обед	Кафе «Кофешенкь», пр. Ленина, 63
14.00 – 18.00	Пешая экскурсия по кампусу университета и центру г. Томска	

УДК 304
ББК 60.542.15
М 754

International youth conference
«Youth in Europe and Russia»

Conference papers

Editors: Larisa Deriglazova, Sergey Miroshnikov
Iлона Gubareva, Anastasia Pogorelskaya

Annotation: The collection contains papers presented at the International youth conference which took place on 24-26 of April 2017 at National Research Tomsk State University. The collection is intended for students, lecturers and specialists, interested in youth issues in Europe and Russia.

Information on grants:

The monograph is published in the framework of the projects: Jean Monnet Center of Excellence: Focus on Youth (2015-0860/071-001) (EU grant); and the project “Man in a Changing World. Problems of identity and social adaptation in history and at present” (the RF Government grant II 220 No. 14.B25.31.0009).

**Jean Monnet Centre of Excellence
Centre for Studies of international organizations and networks
National Research Tomsk State University**

INTERNATIONAL YOUTH CONFERENCE

“YOUTH IN EUROPE AND RUSSIA”

Conference program

24 April 2017, Monday

Time	Event	Location
09.00 – 10.00	Conference registration	Room 209, TSU, Main building, Lenina ave., 36
10.00 – 14.00	Paper sessions	Room 209, TSU, Main building, Lenina ave., 36
13.00 – 14.00	Lunch break	In café «Кофешенкъ», Lenina ave., 63
14.00 – 18.00	Paper sessions	Room 41, TSU, building №3 Lenina ave., 34

25 April 2017, Tuesday

Time	Event	location
09.30 – 10.30	Paper sessions	Room 41, TSU, building №3 Lenina ave., 34
10.30 – 12.10	Workshop: A Social need for a super hero: comics' culture and modern youth. D.S. Konkov, Associate Professor of the Department of Ancient History, Middle Ages and History methodology .	Room 41, TSU, building №3 Lenina ave., 34
12.30 – 13.00	Closing session	Room 41, TSU, building №3 Lenina ave., 34
13.00 – 14.00	Lunch break	In café «Кофешенкъ», Lenina ave., 63
14.00 – 18.00	Closing event – Tomsk sightseeing tour	

Порядок выступления участников конференции
Регламент выступления – 10 мин, 5-7 минут на обсуждение

24 апреля, понедельник

1. **Лескина Наталья**, кафедра теории и истории международных отношений, Институт социальных и политических наук, Уральский федеральный университет. «Основания Европейского пространства высшего образования: традиции и новации».
2. **Антонов Андрей**, исторический факультет ТГУ. «Индо-французская образовательная мобильность».
3. **Бурбо Эва**, исторический факультет ТГУ. «Problem-Based Learning (PBL) innovation in European Education. The Difficulties of Implementation».
4. **Сельденрайх Екатерина**, исторический факультет ТГУ. «Болонская система образования через призму отношений Казахстана и стран ЕС».
5. **Суслова Софья**, исторический факультет ТГУ. «Европейская программа мобильности и сотрудничества со странами Африки в области высшего образования».
6. **Катаман Дмитрий**, исторический факультет, ОмГУ им. Ф.М. Достоевского. «Молодежные организации Великобритании как агенты политической социализации молодежи».
7. **Терешкина Айгуль**, исторический факультет ТГУ. «Работа с молодёжью в Нидерландах».
8. **Базуева Юлия**, исторический факультет ТГУ. «Положение молодежи в Ирландии во время и после экономического кризиса 2008 г.»
9. **Злобина Елизавета**, исторический факультет ТГУ. «Молодежь Литвы: ожидания от членства в Европейском Союзе».
10. **Кравцова Алёна**, Центр молодёжных исследований НИУ «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург. «Молодёжные движения за трезвеннические установки в России и за рубежом».
11. **Гейдрович Яна**, исторический факультет ТГУ. «Основные вызовы, с которыми сталкивается молодежь Сербии».
12. **Генрихс Виолетта**, исторический факультет ТГУ. «Марокканская молодежь в Нидерландах».

25 апреля, вторник

13. **Белкина Полина**, исторический факультет ТГУ. «Интеграция лоббистов из стран Центральной и Восточной Европы в систему лоббирования ЕС».
14. **Aaser Erlend Bern**, Норвежский университет наук о жизни. г. Осло, Норвегия. «The logic of doing something: sanctions as ontological security seeking»
15. **Тунгатарова Анар**, исторический факультет ТГУ. «Торговля людьми с целью принуждения к рабскому труду».

THE LOGIC OF DOING SOMETHING: SANCTIONS AS ONTOLOGICAL SECURITY SEEKING

The EUs sanctions' regime towards Russia

After a change of leadership to a more pro-EU government in Kiev in 2014, Russia responded by annexing the peninsula of Crimea and supporting separatist groups in eastern Ukraine (Allison 2014). The annexation was legitimized by Russia on the grounds of Ukraine representing strategic territory, and the new government in Kiev's flirtation with NATO and the EU (Ibid.). But how would the EU react to this breach of international law? While both European and Russian politicians doubted the Unions ability to agree on a cohesive response (Sjursen & Rosen 2016; Rieker & Gjerde 2016), the result was the implementation of an extensive sanctions' regime. Since implementation in March 2014, the sanctions have become more comprehensive. In substance, the sanctions consist of a three-staged approach to diplomatic, targeted, and sectoral sanctions (Fischer 2015). And while the EU have imposed sanctions on Russia before, the extensiveness and length of these sanctions represent an anomaly (Forsberg & Haukkala 2016: 41).

The sanctions' regime has so far failed to yield significant results, as the Russian regime remains firm on the annexation of Crimea and the support for separatists in eastern Ukraine. Haukkala describes the EUs sanctions' regime both as a source of strength and weakness (2016: 661). Since the outbreak of the conflict in Ukraine the EU has fared better than expected in handling the crisis, as it maintained internal solidarity between its member states (Ibid.). But the sanctions' regime could also be understood as re-affirming a weakness. According to Haukkala the sanctions have not prevented Russia from achieving its objectives, as the implementation of Minsk 2 is very much still at status quo (Ibid.). It has also been argued that the political impact has been the very opposite of the intended aim (2016: 54). The EU can then be criticized for continuing to insist on upholding principles without thinking strategically about the situation (2016: 662). The critique her thus address the divergence between the stated political objectives and the observable political outcome. Deterrence, a frequently cited argument when imposing sanctions (Hufbauer et al. 2009: 6), seems inadequate when addressing what these sanctions are about. The sanctions are materially costly for both Russia and the EU, but without any signs of reaching their political objectives. Analyses focusing on deterrence thus fail to highlight what is the great paradox, namely that the sanctions might as well be understood as impeding the EU's agency rather than demonstrating its strength. If the sanctions are hurting both actor's material position, as well as having no substantial political effect, why are the sanctions seen as rational? But all this criticism of sanctions is well established as relying on weak empirics. As mentioned by Romanova in a recent article, "The rich literature on sanctions most frequently discusses why sanctions do *not* work" (Romanova 2016: 775).

Approaching the topic

How can we then understand the EUs sanctions' regime? How has this policy been legitimized? And why are the EU continuing to insist on upholding their principles, without thinking strategically about the situation? The current literature on the sanctions' regime predominantly focus' on the concepts of physical security and deterrence. This thesis, on the other hand, seeks to challenge our understanding of the sanctions regime and the rather narrow understanding of security which is emphasised in the current literature. Building on the work of Steele and Mitzen, this thesis will argue that ontological security theory can illuminate the logic behind the EUs sanctions' regime. Based on this argument, the research question that guides this paper is the following:

- How does the EU seek ontological security in its sanctions' regime towards Russia?

Sanctions as ontological security seeking

Ontological security theory challenges the traditional conceptualization of security as something physical. Like individuals, states need to feel secure in who they are, as identities or selves (Mitzen 2006: 342). Ontological security is thus about having a consistent sense of Self, and states perform actions to underwrite their notions of who they are (Zarakol 2010: 3). State behavior, policies, can be considered as a series of active attempts to underwrite, and narrate, a sense of what it represents as a state (Innes & Steele 2014: 17). But some forms of uncertainty threaten the coherent narrative that states tell about themselves. These events should be understood as self-identity threats that challenge the narrative of who the state is as a political community, and why the state perceive it as necessary *to do something*. States' interests is here as much defined by the actor's self-identity as it is by material sources of power (Sjoberg & Horowitz 2013: 107). If we approach the study of foreign policy as *expressive*, we can ask the question of what it is that the sender is expressing when they implement the sanctions regime? (Ibid.). Moreover, why is the cost of inaction seen as greater than the cost of implementation?

Ontological security theory contributes with "thinking tools" for our understanding of this, and why the EU understands it as important to politically react towards Russia by imposing sanctions even though they rarely reach their stated political objectives. As Mitzen argue, the consequences of action will always either reproduce or contradict

identities, and since identity motivates action its stability depends on it being supported in practice (2006: 344). Thus, the EU's sanctions regime could be analytically approached as a performance of ontological security seeking and an attempt to reproduce a specific identity, a sense of Self (Croft & Vaughan-Williams 2017: 16). In the legitimization of the sanctions' regime towards Russia, the EU has predominantly emphasised that this is important because it concerns the EU's normative identity. The EU is framed as having a "special responsibility" for peace on the European continent, and the credibility of the EU as a foreign policy actor depends on it upholding these principles in practice. Thus, in the narratives concerning the sanctions policy, the focus is not on reacting towards a physical threat, but rather towards a threat of ontology. The annexation of Crimea can then be understood as an event that threaten the ontological security of the EU, because if it did not react against this breach of international law, who would the EU then be? The sanctions are here conceptualised as a case of the EU "writing" its own security. Malksoo's work on ontological security is relevant for our understanding of the logic behind the sanctions' regime. The sanctions should be understood as a case of the EU "outlining its conception of self as a security actor of a particular kind, with particular self-identity commitments in the world" (Malksoo 2016: 376). And within this construction of the EU's identity, Russia plays a constitutive role as a significant Other. This is because the conflict in the eastern neighbourhood is a political and geographical area where attempts are made by both actors to stabilize their identities, and they are therefore dependent on each other for the constitution of their identities (Kazharski & Makarychev 2016). Thus, the continued construction of Russia as an illiberal regime plays a constitutive role for the EU's identity, and is significant for understanding why the EU view the sanctions as necessary to implement.

Methodology

The methodology of this thesis is based on an interpretive, qualitative approach. As it is understood that states create meaning of their actions through representations of the Self and the Other through discourse, scholars of ontological security theory should employ discourse analysis as a tool. This is to gain an understanding of how actors interpret identity threats and the adequate response to those threats (Steele 2008: 10). Actors must create meanings for their actions to be logically consistent with their identities and argue what a policy would mean about their sense of self-identity (Ibid.: 11). Therefore, narratives are the location from which we as scholars can begin to grasp how self-identity constrains and enables states to pursue certain actions over others (Ibid.).

Steele argues that discourse analysis enables three important objectives when working with ontological security theory. It illuminates how actors connect a policy choice with a distinct narrative of self-identity; it specifies *when* considerations of self-identity lead to a certain policy decision; and it exposes how actors create meanings of their self-identity and threats to that identity (Steele 2008: 12). The focus of my discourse analysis will primarily be statements by top EU officials. The main texts will be statements, speeches and interviews made by official representatives of the EU concerning the legitimization of the sanctions' regime. These official representatives from the EU will consist of the President of the European Council, the President of the European Commission, and the High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. Statements made by the European Commissioner for Enlargement and European Neighborhood Policy will also be included, as Ukraine's relationship to the EU is part of the European Neighborhood Policy. Statements from these are justified on the basis that they represent authority on positions regarding EU foreign policy, and that their texts are widely distributed. In addition, secondary literature will be made use of as it sets the context of the study and the theoretical approach.

Kirsti Stuvøy, PhD Associate Professor and Head of Education
Department of International Environment and Development, Noragric
Norwegian University of Life Sciences, NMBU

E.B. AASER THE LOGIC OF DOING SOMETHING: SANCTIONS AS ONTOLOGICAL SECURITY

SEEKING. This thesis examines the EU's sanctions regime towards Russia in the aftermath of the Crimea annexation. While the sanctions' regime has mainly been conceptualised through understanding it as a reaction towards a physical threat, this thesis will argue that the sanctions represent a case of identity formation. Through making use of ontological security theory, we will gain a broader understanding of why the EU saw it as necessary to react by imposing sanctions. Ontological security theory shifts our focus from security of survival, to security of being. Certain situations represent threats to the ontology of the state, and if states avoided reacting to these situations their sense of self-identity would be disrupted. The annexation of Crimea is constructed through discourse as representing such a threat to the EU, as the idea of the EU representing a "normative power" is central to its identity. Thus, the EU saw it as necessary and common sensible to react politically through imposing sanctions. To understand how this can be conceptualised as a case of ontological security, this research will be based on discourse analysis of the EU's legitimization of the sanctions. The texts selected for this discourse analysis are statements, speeches, and interviews by EU officials. Through making use of discourse analysis as a tool to study official EU discourse, we can demonstrate how the EU as a political community construct meaning to the sanctions policy.

Keywords: European Union, Russia, Crimea, sanctions.

Literature

1. Allison, R. (2014). Russian 'deniable' intervention in Ukraine: how and why Russia broke the rules. *International Affairs*, 90(6), 1255-1297.
2. Croft, S., & Vaughan-Williams, N. (2016). Fit for purpose? Fitting ontological security studies 'into' the discipline of International Relations: Towards a vernacular turn. *Cooperation and Conflict*.
3. Fischer, S. (2015). European Union sanctions against Russia: objectives, impacts and next steps.
4. Forsberg, T., & Haukkala, H. (2016). *The European Union and Russia*. Palgrave Macmillan.
5. Hufbauer, G. C., Schott, J., Elliott, K. A., & Oegg, B. (2007). 3d ed. *Economic Sanctions Reconsidered*. Columbia University Press.
6. Haukkala, H. (2016). A perfect storm; or what went wrong and what went right for the EU in Ukraine. *Europe-Asia Studies*, 68(4), 653-664.
7. Innes, J.A., & Steele, B. (2014). Memory, trauma and ontological security. Resende, E., & Budryte, D. (2013). *Memory and Trauma in International Relations: Theories, Cases and Debates* (15-30). Routledge.
8. Kazharski, A., & Makarychev, A. (2015). Suturing the Neighborhood? Russia and the EU in Conflictual Intersubjectivity. *Problems of Post-Communism*, 62(6), 328-339.
9. Mälksoo, M. (2016). From the ESS to the EU Global Strategy: external policy, internal purpose. *Contemporary Security Policy*, 37(3), 374-388.
10. Matlary, J.H. (2016). *Realpolitik* confronts Liberal Democracy: Can Europe Respond?. Matlary, J. H., & Heier, T. (Eds.). (2016). *Ukraine and Beyond: Russia's Strategic Security Challenge to Europe* (35-61). Springer.
11. Milliken, J. (1999). The study of discourse in international relations: A critique of research and methods. *European journal of international relations*, 5(2), 225-254.
12. Mitzen, J. (2006). Ontological security in world politics: State identity and the security dilemma. *European Journal of international relations*, 12(3), 341-370.
13. Nițoiu, C. (2016). Increasingly Geopolitical? The EU's Approach Towards the Post-Soviet Space. *Journal of Regional Security*, 11(1), 9-32.
14. Romanova, T. (2016). Russian Challenge to the EU's Normative Power: Change and Continuity. *Europe-Asia Studies*, 68(3), 371-390.
15. Rieker, P., & Gjerde, K. L. (2016). The EU, Russia and the potential for dialogue—Different readings of the crisis in Ukraine. *European Security*, 25(3), 304-325.
16. Sjoberg, L., & Horowitz, J., (2013). Quantitative Methods. Shepherd, L. (ed.). *Critical approaches to security: An introduction to theories and methods* (103-118). Routledge.
17. Sjursen, H., & Rosén, G. (2017). Arguing Sanctions. On the EU's Response to the Crisis in Ukraine. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 55(1), 20-36.
18. Steele, B. J. (2008). *Ontological security in international relations: self-identity and the IR state*. London: Routledge.
19. Zarakol, A. (2010). Ontological (in) security and state denial of historical crimes: Turkey and Japan. *International Relations*, 24(1), 3-23.

А.А. Антонов

ИНДО-ФРАНЦУЗСКАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

В статье исследуется современное сотрудничество Индии и Франции в области образования. Рассматриваются совместные образовательные инициативы и институты, вузовские программы двустороннего сотрудничества и двойных дипломов. Особое внимание уделяется действиям, предпринимаемым Францией в отношении визовой политики, трудоустройства, стипендиальных программ для индийских студентов.

Ключевые слова: Франция, Индия, студенты, мобильность.

Европейская комиссия указала Индию в качестве одного из своих стратегических партнеров в области научных исследований и высшего образования, подписав совместную декларацию об образовании с Индией в 2008 году [1].

Сотрудничество Индии и Франции в области образования является одним из самых успешных и институционализированных в Европейском союзе.

Университетское сотрудничество между Францией и Индией началось еще в 1980-х годах с подписанием первых межвузовских соглашений [2]. В 2007 году была подписана первая Программа образовательного обмена (ЕЕР), обеспечивающая рамки для двустороннего сотрудничества в области образования. Данная программа

включает в себя взаимное признание степеней, укрепление исследовательских программ и рост академической мобильности посредством гибкого визового режима. В рамках ЕЕР также была создана Совместная рабочая группа [3].

Во время визита президента Франции Николя Саркози в Индию в январе 2008 года был образован Консорциум индо-французских университетов для усиления сотрудничества в области образования. Для того чтобы данное сотрудничество оказалось успешным, консорциум поставил перед собой задачу повышения мобильности студентов. В связи с этим он работает над структурированными соглашениями, которые позволяют индийским студентам приезжать на учебу во Францию и проводить там достаточно длительное время, после чего возвращаться со степенью, признаваемой в Индии. Главная цель консорциума заключается в том, чтобы поощрять и способствовать созданию совместных программ двойных дипломов, а также языковой подготовке и культурному обмену [2].

На данный момент подписано более 300 меморандумов о взаимопонимании между индийскими и французскими университетами и частными институтами [4. Р. 5].

Первая группа студентов по программам двойных дипломов отправилась во Францию в 2009 году [2]. На сегодняшний день между высшими учебными заведениями Франции и Индии существует множество разнообразных программ двустороннего сотрудничества, а также двойных и совместных дипломов. Так, Университет Христа (Бангалор, Индия) и Колледж Лойола (Ченнаи, Индия) имеют программы сотрудничества с ISA Group (Лилль, Франция). Французские студенты, получающие степень магистра технических наук в области устойчивого управления пищевыми технологиями, могут опционально провести семестр в одном из индийских университетов-партнеров [5. Р. 4].

Университет Дели (Дели, Индия) предлагает программу двойного диплома в сотрудничестве с семью институтами-партнерами из Франции. Прошедшие отбор магистранты технических наук в области ядерной науки и техники могут быть направлены во французские вузы на втором году обучения. Университет Дели принимает все необходимые меры для обеспечения поездки, а также берет на себя финансовые расходы [6. Р. 2].

Школа менеджмента IESEG (Париж, Франция) предлагает программы партнерства с Университетом Христа и Колледжем Лойола. Эти программы проводятся на уровне бакалавриата в области делового администрирования. Первые 2 года программы преподаются в индийском вузе, а последний год – в IESEG [7].

Высшая школа коммерции (Париж, Франция) располагает программами двойного диплома о высшем образовании в области международного менеджмента с Институтом развития менеджмента (Гургаон, Индия) и магистерского диплома в области менеджмента с Индийским институтом управления (Лакхнау, Индия). В первом случае начальная фаза обучения проходит в Гургаоне, а вторая – в одном из европейских кампусов Высшей школы, включая парижский. У студентов также есть возможность приобрести еще одну степень, предлагаемую Высшей школой, при условии получения минимального количества зачетных единиц и выполнения определенных условий [8]. Во втором случае студенты отбираются специальной комиссией, в которую входят представители обоих институтов, а также проходят устное собеседование. При этом выбранные студенты не платят никаких дополнительных расходов за двойное обучение. Студенты проводят первый семестр в Индии, затем едут во Францию на два семестра, включая прохождение стажировок между ними, и возвращаются на последний семестр в Индию [9].

В 2016 году более 4200 индийских студентов выбрали Францию для получения высшего образования. На данный момент цель Франции состоит в том, чтобы к 2020 году принять 10000 индийских студентов. Посольство Франции разработало амбициозную программу для достижения этой цели. В нее входят разработка динамических обменных программ между французскими высшими учебными заведениями и 500 ведущими индийскими вузами, открытие 12 офисов национального агентства по продвижению французского высшего образования за рубежом Campus France, которые помогают индийским студентам найти лучшие образовательные или профессиональные программы [10].

Также Франция формирует привлекательную визовую политику для индийских студентов и выпускников. Страна предоставляет пятилетние краткосрочные визы всем индийским выпускникам французских вузов, которые имеют степень магистра или другую аналогичную степень, для привлечения большего числа индийских студентов к учебе во Франции. Аналогичным образом Франция предоставляет выпускникам возможность оставаться в стране на срок до двух лет после завершения обучения, чтобы приобрести опыт работы по специальности [11].

Для выпускников из Индии с французскими дипломами на родине открывается множество возможностей. Более 1000 французских компаний создали свои представительства в Индии и постоянно ищут молодые таланты. В этих компаниях, которые охватывают широкий спектр различных сфер, работает более трехсот тысяч квалифицированных индийских сотрудников [11]. В связи с этим посольство Франции в Индии запустило сеть France Alumni India – инициативу по воссоединению бывших студентов из Франции с помощью цифровой платформы. Уже зарегистрировавшиеся 1000+ выпускников могут иметь прямой доступ к представителям более 400 французских компаний, работающих в Индии и ищущих талантливую молодежь [10].

Помимо этого, ежегодно французское правительство присуждает более 500 стипендий общим объемом в 1,1 млн евро достойнейшим индийским студентам, которые будут продолжать свое обучение во Франции. Эта программа проводится посольством Франции в Индии для студентов на уровне бакалавриата и магистратуры

(«Программа Шарпака»), а также для кандидатов на получение степени доктора философии («Программа Рамана – Шарпака», совместно с Департаментом науки и технологий Правительства Индии) [10].

Индийским студентам доступна и учрежденная Министерством иностранных дел и международного развития Франции Программа стипендий Эйфеля, которая позволяет французским высшим учебным заведениям привлекать лучших иностранных студентов к поступлению в магистратуру и докторантуру. Стипендия покрывает расходы на проживание, одну поездку на родину, социальное обеспечение, дополнительное жилищное пособие при определенных условиях, культурные мероприятия [12].

Посольство Франции в Индии также предлагает стипендии, финансируемые совместно с Фондом Кришнакрити в Хайдарабаде (для индийских художников, которые желают обучиться в престижных французских институтах в области изобразительных и изящных искусств – ENSBA в Париже и ENSADMM в Марселе) [13], Музыкальным фондом Нимрана в Нью-Дели (для певцов и музыкантов, которые будут обучаться в престижных французских музыкальных школах) [14] и Институтом Mines-Télécom (для магистрантов-инженеров) [15].

Стипендия «The Merit cum Means» была учреждена общественной организацией «Альянс Франсез», имеющей обширную сеть из 19 учебных центров в пределах Индии и предлагающей курсы французского языка и различные культурные программы. Данная стипендия предназначена для граждан Индии, которые отучились хотя бы один семестр в учебном центре организации и продемонстрировали свои академические способности, но не могут покрыть расходы на обучение [16].

Также стипендии на обучение во Франции индийцы могут получить в рамках программы Европейского союза Erasmus. Индийские студенты являлись самой большой группой участников из третьих стран в Erasmus Mundus и теперь также имеют право на участие в программе Erasmus+ [17. Р. 22]. Последняя стипендиальная программа Erasmus летом 2016 года полностью профинансировала образовательные программы 135 индийских студентов и ученых из 17 индийских штатов, в настоящее время находящихся в 20 европейских странах [18. Р. 6].

Таким образом, благодаря растущему сотрудничеству Франции и Индии в области образования количество индийских студентов, обучающихся во Франции, возросло с 1252 в 2009 году [19] до более чем 4200 в 2016. На данный момент Франция является третьей по привлекательности страной Евросоюза для индийских студентов после Великобритании и Германии [20].

Опыт успешного сотрудничества Франции и Индии может быть перенят и другими странами, в частности Россией, где в 2015 году была создана организация, подобная Консорциуму индо-французских университетов, – Ассоциация университетов России и Индии, уделяющая приоритетное внимание академической мобильности, образовательным обменам, разработке совместных магистерских программ вплоть до открытия совместных университетов [21. С. 40].

Литература

1. EU-India Strategic Partnership // EUR-Lex. 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=URISERV:r14100>, свободный (дата обращения: 27.12.2016).
2. Ray T. Consortium strengthens India's French connection // The Times of India. 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://timesofindia.indiatimes.com/home/education/news/Consortium-strengthens-Indias-French-connection/articleshow/3754326.cms>, свободный (дата обращения: 26.03.2017).
3. Exchange programme between the Government of the Republic of India and the Government of the French Republic on cooperation in the field of education for the year 2007–2010 // Government of India, Ministry of Human Resource Development. 2007. 6 р. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://mhrd.gov.in/sites/upload_files/mhrd/files/upload_document/EEP/French.pdf, свободный (дата обращения: 26.03.2017).
4. India-France Relations // Ministry of External Affairs, Government of India. 2013. 6 р. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/India-France_Relations.pdf, свободный (дата обращения: 26.03.2017).
5. MSc Sustainable Food Manufacturing Management // ISA Lille France. 8 р. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.isa-lille.com/fileadmin/user_upload/5.International/1.formation/masters-internationaux/Plaquette_SF2M_anglais.pdf, свободный (дата обращения: 26.03.2017).
6. M. Tech in Nuclear Science and Technology // University Information Centre (University of Delhi). 4 р. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://uic.du.ac.in/images/M.tech%20in%20Nuclear%20Science%20and%20Technology.pdf>, свободный (дата обращения: 26.03.2017).
7. Twinning Programs // IÉSEG. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ieseg.fr/en/programs/twinning-programs/>, свободный (дата обращения: 26.03.2017).
8. Post Graduate Programme in International Management // MDI Gurgaon. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mdi.ac.in/post-graduate-programme/post-graduate-programme-in-international-management.html>, свободный (дата обращения: 26.03.2017).
9. Mathur S. IIM-L, ESCP ink pact, dual mgmt degrees for students // The Times of India. 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://timesofindia.indiatimes.com/city/lucknow/IIM-L-ESCP-ink-pact-dual-mgmt-degrees-for-students/articleshow/7315566.cms>, свободный (дата обращения: 26.03.2017).

10. Study in France // French Embassy in New Delhi. 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ambafrance-in.org/Study-in-France-12461>, свободный (дата обращения: 26.03.2017).
11. French businessmen to go on India tour // The Times of India. 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://timesofindia.indiatimes.com/city/puducherry/French-businessmen-to-go-on-India-tour/articleshow/49149678.cms>, свободный (дата обращения: 26.03.2017).
12. Eiffel Scholarship // Campus France India. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.inde.campusfrance.org/en/PAGE/eiffel-scholarship>, свободный (дата обращения: 26.03.2017).
13. French Embassy - Krishna Kriti Foundation Co-financed Scholarships for Fine Arts // Campus France India. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.inde.campusfrance.org/en/page/french-embassy-krishna-kriti-foundation-co-financed-scholarships-fine-arts>, свободный (дата обращения: 26.03.2017).
14. French Embassy – Neemrana Music Foundation Co-financed Scholarships for Music // Campus France India. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.inde.campusfrance.org/en/page/french-embassy-%E2%80%93-neemrana-music-foundation-co-financed-scholarships-music>, свободный (дата обращения: 26.03.2017).
15. Institut Mines-Télécom - French Embassy in India scholarship // Campus France India. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.inde.campusfrance.org/en/page/institut-mines-telecom-french-embassy-india-scholarship>, свободный (дата обращения: 26.03.2017).
16. Scholarship // Alliance française de Delhi. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://delhi.afindia.org/scholarship-2/>, свободный (дата обращения: 26.03.2017).
17. *Vandewalle L.* EU-India relations: Time to shift into higher gear. Brussels : European Parliament, 2015. 28 p.
18. EU-India Higher Education Cooperation // European External Action Service. 2016. 9 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu-india-higher-education-cooperation_en.pdf, свободный (дата обращения: 27.12.2016).
19. *Choudaha R., Orosz K.* Emerging Models of Indian-European Higher Education Collaborations // World Education News & Reviews. 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wenr.wes.org/2011/09/emerging-models-of-indian-european-higher-education-collaborations>, свободный (дата обращения: 27.12.2016).
20. Global Flow of Tertiary-Level Students // UNESCO Institute for Statistics. 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow>, свободный (дата обращения: 26.03.2017).
21. *Денисов И. Е.* 100 тезисов о российско-индийских отношениях / И. Е. Денисов, О. А. Попадюк ; под ред. И. С. Иванова. М. : НП РСМД, 2016. 44 с.

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент С.Н. Мирошников

Antonov A.A. INDO-FRENCH EDUCATIONAL MOBILITY. The article is devoted to the current cooperation between India and France in the field of education. Joint educational initiatives and institutions such as the Educational Exchange Programme, the Consortium of Indo-French Universities, Twinning, Dual, and Joint Degree Programs are considered. Particular attention is paid to the actions taken by France towards Indian students: exchange programmes, countrywide presence with 12 Campus France offices, framing of very attractive visa policies, launch of the France Alumni India network, scholarship programs including the Charpak scholarship program, the Eiffel Excellence Scholarship Programme, the Merit cum Means Scholarship, Erasmus+ scholarships, et al.

Keywords: France, India, students, mobility.

E. Burbo

PROBLEM BASED LEARNING (PBL) INNOVATION IN EUROPEAN EDUCATION. THE DIFFICULTIES OF IMPLEMENTATION

This article describes Problem-Based Learning (PBL) as innovative educational model, which was transferred from Canada to Netherlands and later all over Europe. It gives short definition of the model and names its key features. Moreover, it provides for PBL characteristics as developed by European founding fathers in order to avoid confusion with regards to other educational technics. The second part of the article is devoted to implementation issues, which are to be faced by the institutions willing to adopt the method for their educational curriculum.

Key words: Problem-Based Learning (PBL), self-directed learning, curriculum changes, organization structure

The massive use of informational technologies in early 1960s, rapid changes in labour market led to the growth of the proportion of knowledge-intensive work in teams and lifelong learning.[1] Possession of the specific knowledge by the graduates was no longer enough to satisfy the requirements of the professional communities. Complex problem solving skills came on the first place. Because of the market demands the educational technologies had to be modified respectively. Teaching by means of lectures was heavily criticized as being inefficient in developing necessary skills. [2] New, innovative approach was necessary. That is how Problem-Based Learning (PBL) came into existence. The method was developed in Canada, McMaster University. Later transferred to Europe, Maastricht Medical School. Step by step it was implemented in other education fields. Almost 50 years later, universities still struggle to find best approaches in

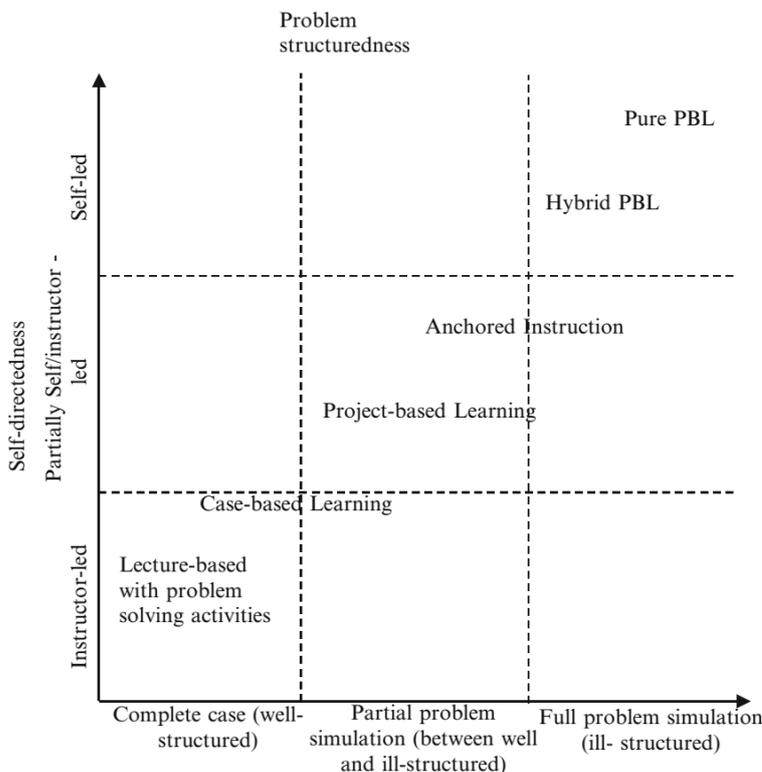
teaching. Misunderstandings of what is PBL as developed in end of the 20th century remain. Therefore, the overarching question of this paper is what are the characteristics of pure PBL curricula and what it takes to transform an educational institution to adopt this method. To answer this question, this paper is first going to provide with the definition of PBL curricula and its possible deviations. Then, the actual implementation difficulties are going to be discussed.

PBL Characteristics

Medical professionals were the first to express their dissatisfaction with the clinical performance of the medical graduates. Studies have shown a great gap between what was learnt by students and what they were actually expected to do as medical professionals. [2] Number of new learning goals were identified, namely knowledge application, independent problem solving, self-directed learning and collaboration skills. It was decided to train students based on real life problems/cases in small teams. Designing learning curricula based on ill-structured, authentic problems is proved to have great effects on students memorizing and retrieving knowledge. The ambiguity of the offered cases helps them to learn to adapt to real-life scenarios. It is important to note that institutions adopting PBL eliminate traditional lectures from the curricula or limit their quantity to minimum (1 or 2). Since traditional lectures cannot satisfy the new requirements set by the professional communities. This is related with the fact that self-directed learning is another crucial aspect for PBL.[3] This approach cultivates life-long learning skills and responsibility for own prospects. However, the responsibility is not solely vested with students. Each meeting students are supervised by the tutor, who acts as an instructor in their learning process. Tutors shall not under any circumstances disseminate knowledge, instead they are expected to guide students in their scientific and academic reasoning endeavours. To sum up, there are six PBL characteristics:

1. Problem-driven cases;
2. Case-structured curriculum (no hierarchical list of subjects);
3. Real-life, ill-structured problems;
4. Learning in small groups;
5. Reflecting learning;
6. Self-directed. [4]

Before any material is introduced, students in a group of 8-10 people are confronted with the real problem or a case. [5] The group is supervised by the tutor. Nevertheless, students should select among themselves a discussion leader and a secretary for notes taking. First tutorial, they are expected to analyse and brainstorm on the cases provided, as a result of which, they should formulate questions or hypothesis to be clarified out of classroom on their own. Notable that students may formulate wrong hypothesis; however, instructors shall not correct them immediately, students are expected to reach certain conclusions on their own. Second group meeting they must discuss their findings based on the materials studied in between of the meetings. Curriculum may be designed in such a way to include one or two lectures a week in order to prompt learning process.

PBL and Its Deviations

Pure PBL means that curriculum absolutely excludes knowledge dissemination via lecture mode (full problem stimulation). [6] Hence, students experience highest levels of responsibility because they are fully in charge of their learning process (self-led). Sometimes, this method is also called student active learning or student centred due to very limited teacher role. Hybrid PBL allows for limited number of lectures to supplements students' knowledge acquisition. Anchored Instruction is suitable for institutions which aim at training students for scientific problem-solving processes. This method takes video-based scenarios (real-life) for instructing students about mathematic concepts. This technic supposes that learning process should activate students' prior knowledge while some necessary content knowledge by be provided by teacher. Project-Based Learning in comparison to Pure PBL is about knowledge application and not knowledge acquisition. Students a given a real-life problem and expected to find out a solution to it. Students are provided with a tool kit of knowledge and skills, which should be applied in dealing with the project at hand. Notable, that first the

content knowledge must be provided to a student, only then he/she can start applying it. While in Pure PBL discussion can start and hypothesis can be made without any prior or very little knowledge, it directs students to self-acquire knowledge and become independent learners. Case-Based Learning (CBL) it is very often confused with PBL because of its use of problem structure curriculum. The difference is that CBL is much more instructor led and almost fully structured case. It involves a lot of content knowledge, so students can realize how abstract concepts can be translated into real life situations. Finally, there is such method as Lecture-Based Learning with Problem-Solving Activities. The aim of this method is to link theory with practical problem solving skills. This approach is the most instructor led out of all six types.

Implementation issues

Widely used in Europe PBL is now slowly being developed all over the world. However, this process is very difficult. PBL demands for student centred curriculum. Since the number of lectures is limited or abandoned at all, teachers do not play an active role in the students' learning process anymore. Moreover, the time students spend in the classroom is quite limited due to the fact that there must be time devoted for such crucial element as self-led learning. Students study in groups of 8-10 which means that their learning process requires certain infrastructure. All this leads to a list of three things. To implement PBL, one needs good teachers that can be instructors, the program, which is designed in such a way to leave room for self-study and, finally, the organization of the infrastructure. [5. p. 18] One of the founding fathers of PBL in Maastricht University prof. Peter A.J. Bouhuijs identifies to major issues when it comes to PBL implementation. First, 'PBL requires a shift in culture' and, second, there must be 'organizational changes'. [5. p. 19]

Prof. Bounhuijs highlights the issue of 'culture clash'. He says that even after observing PBL tutorial people still have problems with believing that learning is possible in such setting. [5. p. 19] Academia itself is organized in such a way that they would hardly accept the fact that teaching is possible via making mistakes and not correcting students' hypothesis at the first place. Teaching is about true knowledge. Another problem, is that teachers very often tend to put their disciplines over everything by hyperbolizing the importance of their courses. Especially that is typical to highly ranked professors. PBL does not welcome such approach. PBL is about cooperation among instructor and alignment of disciplines; all are connected by joint aims and goals. [7. p. 803] Therefore, it is often difficult for teaching staff to transform because of their attitudes, which were being built during their professional career.

Another aspect that prof. Bouhuijs is pointing out is management and organization which must be adapted accordingly in order to have PBL implemented. [5. p. 20] The most important aspect is the curriculum. Non-PBL institutions design their curriculum by distributing hours for various courses and placing them in the calendar accordingly. Teachers are usually fighting for number of students in the group and number of hours, in other words, for courses that are of higher importance in the curriculum. PBL, on the other hand, requires higher level of cooperation on managerial level, good coordination and integrated curriculum. This leads to taking away a certain level of control from teachers to a higher level. Moreover, the teaching hours must be reduced in order to fit the requirement of self-led learning. Curriculum redesigning often is met with great resistance by the teaching personnel. Furthermore, institutions willing to integrate PBL often underestimate the time issue. A significant amount of time is necessary to prepare the institution for change. Starting from the top level, managers have to agree on the curriculum design, work in a team, reshuffling of the content while teachers must invest in material design. [7. p. 802-803] Finally, seemingly obvious thing but often overlooked is building infrastructure. Since students are divided in small groups, large lecture halls are not suitable for this purpose anymore, there are must be a number of small rooms equipped for team learning. [5. p. 20] All this leads to the conclusion that old universities, having long history and old buildings are going to very slow in the implementation process, or risk at all at ill-implementation because of old habits.

Conclusion

Pure PBL model deals with knowledge application, independent problem solving, self-directed learning and collaboration skills. Those were identified as of great importance since the start of the technical revolution which required new skills by the professionals to be able to adapt to the new labour market requirements. Depending of the teaching mode and student involvement PBL models can vary. Pure PBL model implies for full student involvement while minimal teacher intervention, leading to the latter becoming an instructor. The weakest PBL form, Lecture-Based Learning with Problem-Solving Activities does save teachers role in lecturing and transferring knowledge and adds little manoeuvre for students in applying their knowledge in problem solving. Depending on the PBL mode institutions must change accordingly. The problem arises when institutions having long history want to transform to pure PBL. This happens due to culture clash at the professional and organizational levels. Finally, it should be noted that time and efforts are required to completely transform not only the curricula but also the university infrastructure.

Literature

1. Quinn, J. B. (1992). *Intelligent enterprise, a knowledge and service based paradigm for industry*. New York: The Free Press.
2. Barrows, H. S., & Tamblyn, R. M. (1980). *Problem-based learning: An approach to medical education*. New York: Springer.
3. Dolmans, D. H. J. M., & Schmidt, H. G. (1994). *What drives the student in problem-based learning?* Medical Education, 28, 372–380.

4. Hung, H. (2015). Problem-Based Learning: Conception, Practice, and Future. In Y. H. Cho, I. S. Caleon, M. Kapur (Eds.), *Authentic Problem Solving and Learning in the 21st Century* (pp. 75-92). New York: Springer.
5. Bouhuijs, P.A.J. (2011), *Implementing Problem Based Learning: Why is it so hard?* REDU Vol.9(1).
6. Hung, W., Mehl, K., & Holen, J. B. (2013). *The relationships between problem design and learning process in problem-based learning environments: Two cases*. The Asia-Pacific Education Researcher, 22(4), 635–645.
7. Diana H.J.M. Dolmans, Ineke H.A.P. Wolfhagen & Jeroen J.G. Van Merriënboer (2013) *Twelve tips for implementing whole-task curricula: How to make it work*. Medical Teacher, 35:10, 801-805

Ю.Г. БАЗУЕВА

ПОЛОЖЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В ИРЛАНДИИ ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА 2008 г.

В статье рассматривается положение молодежи в Ирландии во время и после кризиса 2008 года, включая уровень занятости и безработицы, миграция молодежи, а также государственная деятельность, направленная на улучшение положения молодежи в стране.

Ключевые слова: Мировой финансовый кризис, молодежь Ирландии, безработица среди молодежи, Молодежные гарантии

Ирландию можно назвать самой молодой страной Европы. Процент молодежи составляет 18,4% от общего количества населения. Это 882 741 человек в возрасте от 10 до 24 лет. Этот, довольно большой, пласт населения сильно пострадал от экономической рецессии после кризиса 2008 года, так как любые сдвиги в экономике страны незамедлительно влияют на положение таких незащищенных слоев общества, как молодежь. В основном, конечно, речь идет о безработице среди молодых людей [1].

С самого начала кризиса можно было выделить семь особо «пострадавших» стран, в которых наблюдался наиболее высокий и постоянно растущий уровень безработицы. Это Ирландия, Греция, Испания, Италия, Кипр, Португалия и Словения [2, р. 50]. Однако, Ирландия помимо «лидерства» по этому показателю занимала также первое место по уровню безработицы среди молодежи. Безработица молодых людей стала одной из главных проблем для страны в сфере занятости. В 2012 году она составляла 30,4% при этом, если бы была учтена вынужденная неполная занятость, то безработица могла бы достигнуть 45%. Безработица среди молодежи увеличилась с 2008 года в три раза, причем каждый третий из молодых мужчин, не достигший 25 лет, остался без работы. В таких секторах, как строительство, розничная торговля и сфера услуг, где была наибольшая занятость молодых людей, сократили тысячи рабочих мест. За период с 1 квартала 2008 года по 3 квартал 2009 года занятость молодежи в строительстве и на производстве сократилась на 63,6% и 47,4% соответственно [3, р. 6].

Уровень безработицы среди молодежи достиг максимального уровня в 31% во втором квартале 2012 года, при этом уровень занятости молодежи сократился почти вдвое (снизившись с 50% до 28%) между четвертым кварталом 2007 года и вторым кварталом 2012 года. Кроме того, многие безработные молодые люди сталкиваются с длительными периодами отсутствия работы. В 2012 году, только около 30% молодых людей нашли работу в течение года. Тем не менее, ирландский рынок труда значительно улучшился за 2013 год, а уровень безработицы среди молодежи снизился до 26% уже в третьем квартале 2013 года [4, р. 7].

Большая часть молодых людей являлись безработными на длительный срок: более половины (55%) молодых мужчин и одна треть (33 %) молодых женщин на начало 2012 года были безработными больше года [5, р. 27].

Уровень безработицы в Ирландии тесно связан с уровнем образования. Среди лиц с низким уровнем образования, а также не-граждан Ирландии уровень безработицы выше, чем в среднем по стране. Однако при этом 80% безработных квалифицированы, что, казалось бы, должно облегчить поиск работы. [6, р. 6]

Безработица среди молодежи также варьируется в зависимости от района. Самые высокие показатели в городах Лимерик (50%), Донегал (49%) и Уэксфорд (47%), затем идут Дун Лаогхейр-Ратдаун (27 %), Фингал, округ Корк, город Голуэй и Дублин. [5, р. 29]

Масштабы проблемы немного маскировались за счет большого числа эмигрантов и людей, повторно поступающих в учебные заведения. Однако, чаще всего проблему безработицы в случае с Ирландией решает именно эмиграция: 70% из 87 000 ежегодных мигрантов находились в возрасте от 20 до 30 лет, 62% из которых имеют дипломы о высшем образовании [6, р. 6]. Так из страны еще и «утекают мозги». Основными пунктами назначения для ирландских мигрантов на этот раз стали Великобритания, Австралия и Новая Зеландия. И, как показали исследования в области мобильности молодежи, это, как правило, самые лучшие и наиболее яркие молодые люди из относительно обеспеченных семейных семей [7]. Но уже в 2014 году доля лиц в возрасте 15-24 лет снизилась до 34% [8, р. 24].

Безработица среди молодежи имеет многочисленные негативные последствия. Например, если человек однажды оказался безработным, то возрастает риск, что он может снова лишиться работы. Навыки человека также ухудшаются в период безработицы. Кроме того, ранняя безработица снижает уровень заработной платы в течение

жизни человека. Между тем, молодые люди являются одной из групп, наиболее подверженных риску бедности, поскольку поддержка родителей снижается, а молодые люди еще не полностью интегрированы в рынок труда. Воздействие безработицы является сильным и на психологическом уровне. Некоторые из наблюдаемых эффектов включают в себя недоедание, болезни, психических стресс и потерю самооценки, а также риск депрессии. Возрастает количество суицидов. Молодежная безработица также имеет более широкие социальные последствия, поскольку она задерживает создание новых семей, а также молодежи требуется больше времени, чтобы выйти на рынок жилья. Таким образом, молодые люди в возрасте 15-25 лет особенно уязвимы в условиях экономического кризиса. Они также подвержены “хронической бедности”, которая имеет долгосрочные социальные последствия [5, p. 30].

Правительство Ирландии решает проблему безработицы двумя способами:

- Сокращает пособия, выплачиваемые молодым безработным в возрасте от 20 до 25 лет. Основная цель - побудить их продолжить обучение или сменить профессию. Государственное финансирование ориентировано на специальный инвестиционный фонд для молодежи, бюджет которого составляет € 14 млрд., а также на создание 300 000 мест в программах профессионального обучения и образования (стоимость оценивается в € 1,6 млрд.);
- Использует средства, выделенные фондами ЕС под специальные программы в рамках «Европейской инициативы в области молодежных возможностей» и плана «Молодежных гарантий», обеспечивающих занятость молодежи. Программы стартовали в Ирландии в июне 2013 года с бюджетом в € 10 млрд [6, p. 6].

В январе 2014 года в Ирландии был введен в действие план реализации Молодежных гарантий. Цель Молодежных гарантий заключается в том, чтобы молодые люди получили качественное предложение по трудоустройству, профессиональной подготовке, стажировке или повышению квалификации в течение четырех месяцев после того, как стали безработными [9]. В бюджете 2014 года во многих правительственных департаментах было выделено € 46 млн. на реализацию программ Молодежной гарантии. В 2016 году планировалось выделить уже € 500 миллионов. Основными программами стали First Steps - Youth Developmental Internship (YDI), EURES Experience Your Europe (EYE), JobPlus, Tús, Gateway направленные на обеспечение занятостью, образование и подготовку молодежи, также устраивались ярмарки вакансий и финансировались бизнес проекты [10].

Существуют и проблемы с внедрением Молодежных гарантий. Согласно плану, в 2014 году правительство должно было предоставить 28 500 мест для образования, обучения и получения опыта работы. Однако данные на май 2015 года показывают, что было предоставлено только 23 313 мест [13].

Литература

1. Assessment of the Economic Value of Youthwork [Electronic recourse]. URL : http://www.youth.ie/economic_value
2. The impact of the economic crisis on Euro area labour market [Electronic recourse]. URL : https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/art1_mb201410_pp49-68.en.pdf
3. The Impact of Anti-crisis measures and the social and employment situation: Ireland [Electronic recourse]. URL : http://www.ictu.ie/download/pdf/impact_of_austerity_on_ireland_eesc_paper.pdf
4. OECD Youth action plan options for an Irish youth guarantee [Electronic recourse]. URL : <https://www.welfare.ie/en/downloads/OECD-Report-Options-for-an-Irish-Youth-Guarantee.pdf>
5. The Social Dimensions of the Crisis: The Evidence and its Implications [Electronic recourse]. URL: http://files.nesc.ie/nesc_reports/en/NESC_134_The_Social_Dimensions_of_the_Crisis_Main_%20Report.pdf
6. Crisis exit strategy for Ireland: the Results and the Challenges? [Electronic recourse]. URL : <http://www.robert-schuman.eu/en/doc/questions-d-europe/qe-329-en.pdf>
7. The Financial Crisis: A Way Out for Irish Youth? [Electronic recourse]. URL : <https://myplacefp7.wordpress.com/2012/05/22/the-financial-crisis-a-way-out-for-irish-youth/>
8. Developments in the Irish Labour Market during the Crisis: What Lessons for Policy? [Electronic recourse]. URL : <https://www.esri.ie/pubs/JACB201550.pdf>
9. New Youth Guarantee Initiatives [Electronic recourse]. URL : <https://www.welfare.ie/en/pressoffice/Pages/pr111114.aspx>
10. Ministers Burton and Quinn launch dedicated drive to tackle youth unemployment [Electronic recourse]. URL : <https://www.welfare.ie/en/pressoffice/Pages/pr280114.aspx#table1>
11. Youth Guarantee [Electronic recourse]. URL : <http://www.youth.ie/advocacy/youth-guarantee>

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент С.Н. Мирошников

Iuliia Bazueva Youth in Ireland during and after the world financial crisis of 2008. The article offers data on youth in Ireland during and after the world financial crisis of 2008, including level of employment and unemployment, youth migration, and government activities aimed at improving the situation for young people in the country.

Keywords: the world financial crisis, Irish youth, youth unemployment, Youth Guarantee

П.Ю. БЕЛКИНА

ИНТЕГРАЦИЯ ЛОББИСТОВ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В СИСТЕМУ ЛОББИРОВАНИЯ ЕС

В статье рассматривается уровень вовлечения новых групп давления из постсоветских стран региона в лоббистскую деятельность в Европейском Союзе. Определяются общие черты лоббистских организаций из стран Центральной и Восточной Европы и каналы их взаимодействия с органами власти ЕС.

Ключевые слова: лоббизм, Центральная и Восточная Европа, Европейский Союз

Лоббирование на уровне Европейского Союза на данный момент занимает важное место в деятельности как национальных, так и европейских групп давления. Активизация их деятельности началась в 1980-е гг., и к началу 2000-х гг. на 15 000 чиновников Европейского Союза приходилось 20 000 лоббистов[1. С.163]. К моменту вступления стран Центральной и Восточной Европы в ЕС, процесс лоббирования европейских институтов был регламентирован на законодательном уровне.

После вступления данных стран в Европейский Союз, часть полномочий, которая находилась в ведении национального правительства, перешла под юрисдикцию европейских институтов, в связи с чем национальным лоббистским группам, которые такие сферы лоббировали, пришлось перенести свою деятельность на европейский уровень.

В то же время, европейские институты также были заинтересованы в привлечении лоббистов из стран ЦВЕ. Свою роль здесь сыграло то, что деятельность лоббистских групп из новых стран способствует контролю за имплементацией решений, принятых на уровне ЕС. В связи с этим, большую заинтересованность проявила Европейская Комиссия. Ещё до вступления новых стран в ЕС, в 1990-е гг. различные общественные организации широко привлекались к участию в форумах и конференциях[2. С.168].

В некоторых странах, вступивших в Европейский Союз в 2004, 2007 и 2013 гг. существует своё национальное законодательство относительно лоббирования. Так, например, закон о лоббистской деятельности в Польше был принят в 2005 году, в Литве закон действует с 2001г., а в Словении с 2011г. Как особый случай стоит отметить Венгрию: закон о лоббистской деятельности был принят в 2006 г., а спустя пять лет был отменён[3. С.5]. Несмотря на критику законопроектов и их недостаточную эффективность (по большей части, лоббистская деятельность по-прежнему остаётся вне рамок регулирования), её развитие способствует более активному вовлечению новых участников в лоббирование на европейском уровне как результат приобретения опыта.

Большое значение для интеграции новых участников представляют тип представительства и те каналы взаимодействия, которые группировки используют. Представительство может быть прямым, т.е. лоббирование интересов производится непосредственно самими группами давления, или непрямым, через участие национального лобби в европейских или региональных ассоциациях. Свои интересы лоббисты могут продвигать на уровне национального правительства, взаимодействуя с представителями государств в Европейском Парламенте или Совете ЕС или участвуя в консультациях и конференциях напрямую или как член ассоциации с институтами ЕС.

Как отмечают исследователи, выбор канала оказания давления и от сферы деятельности и типа самой лоббистской группы. Так, бизнес-структуры стран Центральной и Восточной Европы предпочитают прямое представительство как на национальном, так и на европейском уровне. Неправительственные организации же по большей части интегрируются в уже существующие европейские ассоциации или создают региональные (что в большей степени характерно для сельскохозяйственного лобби). По данным 2008 от 15 до 24% членов европейских ассоциаций являлись представителями национального лобби стран Центральной и Восточной Европы[2. С.163].

Из возможных пяти каналов воздействия на политический процесс в ЕС, только два получили достаточное распространение среди лоббистов ЦВЕ. Как отмечает Плейнс, наиболее активное взаимодействие происходит в рамках общественного диалога и при лоббировании деятельности в Экономическом и социальном совете ЕС[4. С.67].

В целом, можно выделить ряд общих черт, присущих лобби в новых странах ЕС. В первую очередь, стоит отметить отсутствие знаний и опыта лоббирования в Европейском Союзе, что организации пытаются компенсировать посредством участия в европейских ассоциациях. Исследователи отмечают, что для них основным мотивом интеграции в такие структуры становится получение информации и опыта[2. С.186]. В то же время, только небольшое количество организаций имеет постоянное представительство в Брюсселе, что также негативно сказывается на результатах работы. Несмотря на то, что новые участники ассоциаций редко становятся их основными акторами, такое представительство позволяет получить гарантированный доступ к европейским институтам. Ещё один аспект участия в ассоциации лоббистов заключается в том, что оно

предполагает осуществление деятельности на основе компромисса, что приводит к меньшим положительным результатам.

Ещё одной общей характеристикой новых участников лоббирования является отсутствие сильной финансовой поддержки и профессиональных кадров. Многие исследователи отмечают и негативное восприятие лоббизма в постсоветских странах, в то время как в самом Европейском Союзе лоббизм принято воспринимать как проявление положительное и одно из проявлений демократии[3. С.18].

Наиболее активными участниками в политических процессах ЕС стали общественные организации и экологическое лобби, а также представители некоторых областей бизнеса.

Что касается лоббирования со стороны молодёжных организаций, то на уровне Европейского Союза можно говорить о более успешной интеграции национальных ассоциаций в общеевропейские группы. Среди национальных молодёжных организаций из стран ЦВЕ, которые являются ленами ЕС, можно выделить только три официально зарегистрированные (Польша, Болгария и Венгрия), которые имеют прямое представительство при европейских институтах. Среди европейских молодёжных групп давления далеко не все имеют в своём составе представителей из стран ЦВЕ. Наибольшее количество представителей а различных европейских организациях имеют Польша, Литва, Чехия, Словакия и Венгрия.

Таким образом, интеграция лоббистов из постсоветских стран отражает способность системы ЕС в целом адаптироваться к довольно быстрым процессам расширения и показывает его способность интеграции новых участников политического процесса. Интеграцию лоббистов из ЦВЕ определяют как мягкую или гладкую, т.к. за довольно короткий срок они стали участниками европейских организаций, но это не привело к значительным изменениям в соотношении сил. Хотя стоит отметить, что возможности лоббирования новыми участниками использованы ещё не до конца.

Литература

1. *Lehmann W.* Lobbying in the European Union: Current rules and practices. Luxemburg: European parliament, 2003
2. *Knodt M., Quittkat C., Greenwood J.* Functional and territorial interest representation in the EU. Routledge, 2016
3. *Chari M., Hogan J. Murphy M.* Report on the legal framework for the regulation on lobbying in the Council of Europe member states. Strasbourg, 2011
4. *Liebert U., Trenz H.* The new politics of European civil society. Routledge, 2011

Науч. рук. – канд. ист. наук, С.Н. Мирошников

Belkina P.U. INTEGRATION OF LOBBY FROM CENTRAL AND EASTERN EUROPE IN THE EU. The article considers the level of integration of new pressure groups in the post-soviet countries of the region in lobby activity in the EU. There are determined common features of lobby organization from central and eastern European countries and channels of their interaction with authorities of the EU.

Key words: lobby, Central and Eastern Europe, the European Union

Я.Д. ГЕЙДРОВИЧ

ОСНОВНЫЕ ВЫЗОВЫ, С КОТОРЫМИ СТАЛКИВАЕТСЯ МОЛОДЕЖЬ СЕРБИИ

Сербское государство, расположенное в самом центре Балканского полуострова, располагает комплексом проблем, присущих как балканским государствам, так и странам ЦВЕ. Разумеется, это оказывает значительное влияние на качество жизни населения страны, которое имеет возможность сравнивать уровень жизни с близлежащими государствами-членами Европейского Союза. Так, в данной работе акцент сделан на сербской молодежи, являющейся наиболее мобильной группой населения страны. Ниже рассмотрены основные причины миграции молодежи Сербии в страны Евросоюза, представлена статистика, отражающая тенденцию последних лет, а также рассмотрены основные государства-реципиенты сербской молодежи.

Ключевые слова: миграция, экономически-социальные условия, молодежная политика.

Балканский полуостров всегда представлял собой своего рода лоскутное одеяло, населенное этносами нередко с диаметрально противоположными взглядами на мироустройство, развитие общества, государства и индивида. В самом деле, сосуществуя бок о бок с представителями всех мировых религий в весьма ограниченных территориальных условиях, приходится прикладывать максимальное количество усилий для поддержания стабильности в регионе и предотвращения межэтнических столкновений, имеющих далеко идущие последствия. Факты показывают, что балканские народы часто не справлялись с этой задачей. История каждого государства

региона богата на яркие события и заслуживает отдельного изучения. Однако история сербского народа в полной мере изобилует трагичными событиями и ощущением груза ответственности за межнациональную рознь. Говоря о современной Республике Сербия, необходимо напомнить тот факт, что на протяжении почти всего XX века Сербия была неотъемлемой частью искусственно созданного государства Югославия, объединявшего такие государства как Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Македония и Сербия. Продолжительное время главной фигурой данного объединения являлся Иосиф Броз Тито, которому удавалось контролировать отношения между входящими в состав государствами, препятствовать вспышкам национальных конфликтов и проводить равномерную политику в отношении всех членов республики [1]. Однако смерть лидера повлекла за собой серьезные перемены внутри объединенной Югославии, которые в последствии привели к тому положению дел, которое мы наблюдаем сегодня на Балканском полуострове. На текущий момент Республика Сербия, как и часть соседних государств, представляет собой потенциального кандидата на членство в Европейском Союзе. Однако процесс вступления сербского государства в Евросоюз осложняется не только затянувшимся выполнением необходимых требований государств-членов, но также трудностями в принятии сербским обществом европейских ценностей и взглядов.

Важно заметить, что именно последнее десятилетие XX века наложило серьезный отпечаток на последующее развитие сербского государства. Кровавые гражданские войны, вылившиеся в распад Югославии, продолжающийся этнические чистки, рост национализма и ксенофобии, авторитарная политика экс-президента Сербии Слободана Милошевича, последующие санкции ООН - все это привело к политической, экономической и культурной изоляции Белграда. Глубокий экономический кризис, также как и политические репрессии не могли не оказать влияния на молодежь Сербии [2. Р.19]. В условиях бурного развития теневой экономики представители криминальной субкультуры начали располагать значительным влиянием и авторитетом в широких кругах сербского общества. Будучи не в силах смириться с текущим положением дел, порядка 500 тысяч молодых людей покинули Сербию в период с 1991 по 2001 гг. [2. Р.19]. Тем, кто остался на родине, пришлось столкнуться с обострением криминогенной обстановки, стремительным ростом национализма и политического экстремизма. Подобные условия вряд ли удовлетворяют представителей сербской молодежи: согласно статистике, каждый второй серб в возрасте от 16 до 26 покинул бы Республику Сербию, если бы ему представилась возможность это сделать [2. Р.20]. Однако в то время как многие сербы изъявляют желание уехать из страны, количество тех, кто готов перечислить предпринимаемые для этого шаги, резко сокращается.

Действительно, у сербской молодежи имеются веские причины задумываться о смене места жительства. Правительство не в силах обеспечить нужды молодой прослойки населения, предоставить условия для реализации своего потенциала, также как и сделать страну привлекательной для проживания. Одной из основных проблем, с которой сталкивается молодежь Сербии, безусловно, является безработица [2. Р.28]. Кризисы последних лет в очередной раз продемонстрировали то, что именно молодежь представляет собой наиболее уязвимую часть населения в вопросах сокращения числа работников предприятий. Кроме того, молодые сербы, не имеющие опыта работы, сталкиваются с проблемой трудоустройства, что выливается в увеличения числа молодых людей, вовлеченных в деятельность черного рынка. Данный факт объясняется тем, что именно представители молодого поколения вынуждены соглашаться на заключение краткосрочных договоров, таким образом автоматически попадая в зону риска. Среди тех, кто сумел официально трудоустроиться, преобладают молодые люди с высшим образованием из городской среды. Наиболее уязвимыми группами являются представительницы женского пола, представители этнических меньшинств, а также малообразованные граждане Республики Сербия [2. Р.29].

Также к проблемам сербской молодежи необходимо отнести и низкое качество получаемого образования, которое не отвечает требованиям 21 века [2. Р.33]. Говоря о школах Сербии, необходимо отметить, что современная система образования мало приспособлена для детей с ограниченными возможностями, а также существует дискриминация этнических меньшинств. Так, согласно статистическим данным, только около 10-15% румынских цыган получают начальное образование [2. Р.33]. Система обучения в рамках высших учебных заведений также отнюдь не безукоризненна. Во-первых, довольно высок процент студентов, которые не завершают свой учебный процесс. Что касается тех, кто все же получил диплом о высшем образовании, то сроки обучения, как правило, увеличены в два раза. Так, среднестатистический серб проходит двухгодичную программу в течение четырех лет [2]. По данным Организации Экономического Сотрудничества и Развития качество знаний сербских студентов по ряду общеобразовательных предметов в значительной мере отличаются от уровня знаний студентов Хорватии и Словении. Одной из ключевых проблем, влияющих на качество образования в Сербии, являются устаревшие методики преподавания, ставящие акцент скорее на заучивании, чем на развитии критического и аналитического мышления, навыков работы в команде. В результате такого рода работы образуется огромная пропасть между знаниями, получаемыми студентами в процессе обучения, и запросами рынка труда. По окончании обучения выпускники отмечают недостаток даже базовых знаний в своей профессиональной сфере, что не позволяет им стать конкурентоспособными не только на международном уровне, но даже в границах своей страны.

Общеизвестным фактом является то, что способы проведения досуга оказывают колоссальное влияние на развитие личности. В этой сфере молодежь Сербии также сталкивается с определенными проблемами. Отмечается, что культурный досуг в кругах сербской молодежи крайне скуден, примером чему служит то, что

порядка 80% молодежи проводят свое свободное время за общением, просмотром телевизора или же за использованием интернета [2. P.24]. Процент вовлеченных в спортивную деятельность, чтение или же дополнительное образование не высок: более чем треть старших школьников не являются членами какой-либо библиотеки. Цифры становятся еще скуднее, когда речь заходит о молодежи, занимающейся творческой деятельностью или благотворительностью. Так, только 4% представителей студенчества посещают театры, музеи или же музыкальные концерты [3]. Основным препятствием для культурного обогащения молодых сербов является неспособность финансирования такого рода досуга, в результате чего социально-экономический статус становится ключевым фактором вовлеченности сербов в культурную деятельность. Сюда же можно отнести проблемы с доступом к информации, которые отмечают молодые сербы. На текущий момент телевидение остается основным источником получения информации, которое едва ли подвергается критике даже со стороны представителей молодежи. В среднем серб тратит от 3 до 5 часов за просмотром телепередач каждый день [2. P.25]. Последние годы интернет стал набирать все большую популярность, однако эта тенденция все еще не коснулась отдаленных населенных пунктов, где проживает значительная часть населения.

Необходимо заметить, что все вышеперечисленные аспекты не являются конечным списком проблем, с которыми сталкивается сербская молодежь. Весь этот комплекс трудностей оказывает значительное влияние на перспективы молодой части населения, что и вызывает желание мигрировать в более стабильные и экономически развитые регионы Европы. Так, при выборе пункта назначения основное внимание уделяется таким факторам как перспективы трудоустройства, качество получаемого образования, а также наличие членов семьи, родственников или же друзей в потенциально новом месте жительства [4]. Учитывая все вышеперечисленные факторы, молодые сербы предпочитают мигрировать в ФРГ, где находится наиболее многочисленная по сравнению с другими государствами-членами ЕС сербская диаспора [4. P. 54]. Кроме того, покинувшие Сербию молодые люди редко рассматривают вариант возвращения на родину, объясняя это тем, что полученные за рубежом знания и навыки вряд ли помогут им при дальнейшем трудоустройстве в своем государстве. Тем не менее, мигрировавшие сербы не всегда довольны и тем положением, которое они занимают в стране-реципиенте. Все это ставит молодое поколение в довольно сложную ситуацию: молодежь не всегда знает, куда нужно двигаться дальше для успешной самореализации.

Таким образом, уже на протяжении второго десятилетия в молодежной среде сохраняется тенденция миграции в государства-члены Европейского Союза. В последние годы сербские власти проводят активную молодежную политику с целью повышения привлекательности Сербии в глазах представителей молодых сербов. Однако корень данной проблемы кроется в куда более серьезных внутригосударственных проблемах, разрешение которых представляет собой довольно продолжительный процесс.

Литература

1. Прийма И. Ф. Голоса Сербии: СПб., 1993. — 120 с.
2. Tanja Azanjac, Donatella Bradic, Djordje Krivokapic, Marlene Spoerri, Tatjana Stojic Youth and Public Policy in Serbia // A publication of Youth Policy Press. Berlin, 2014.
3. Theodore E. Baird, Amanda Klekowski von Koppenfels The Serbian Diaspora and Youth: Cross-Border Ties and Opportunities for Development // Brussels, 2013.
4. Smiljka Tomanović AND Dragan Stanojević Young People in Serbia 2015 Situation, perceptions, beliefs and aspirations // Belgrade, 2015.
5. Andrea Matijević Andrijana Lazarević SRBIJA I EVROPA U OCIMA MLADIH // BELGRADE, 2016.

Geidrovich Iana The Republic of Serbia, which is located in the heart of the Balkan region, has a wide variety of problems, which are typical of the Balkan states, as well as of the CEE states. Undoubtedly, it influences greatly on life conditions within the country, where population has the opportunity to compare the way people live in the EU and in Serbia. The main focus of the research is Serbian youth, which is supposed to be the most flexible group of the population. The main reasons for migration from Serbia to the European Union are presented below; the statistics shows the major tendency of the previous years and the most attractive states for Serbian migrants are also presented in this work.

Key words: migration, economic and social life conditions, youth policy.

В. А. ГЕНРИХС МАРОКАНСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В НИДЕРЛАНДАХ

На протяжении более чем 50 лет, марокканские иммигранты являются частью голландского общества. Большая часть голландской молодежи является марокканцами, которые либо были рождены на территории Голландии, либо приехали в страну в ранние годы. Таких марокканских голландцев принято называть вторым поколением иммигрантов. Низкий уровень образованности, отсутствие знаний языка, приводят к безработице среди этого населения, что, в свою очередь, заставляет марокканских голландцев абстрагироваться от основного слоя общества. Уровень преступности среди марокканских иммигрантов довольно высок, что делает данную группу

интересной для исследования. Кроме того, разные поколения иммигрантов имеют различные показатели по преступной активности. Удивительно, что данный показатель является следствием не только исторических факторов, но и ряда социальных причины, которые играют более значимую роль.

Ключевые слова: Марокко, Голландия, молодежь, иммиграция, преступность.

На протяжении более чем 50 лет, марокканские иммигранты являются частью голландского общества. В настоящее время, в Голландии проживает более 300000 человек марокканского происхождения, 170000 из которых являются иммигрантами второго поколения.[1;45] Марокканская община является третьей по численности общиной в Голландии после Суринамской и Турецкой общин. Первые марокканские иммигранты прибыли в страну в качестве приглашенных рабочих в 1960-1970-х годах, в условиях кризиса на голландском рынке труда. Такие приглашенные рабочие должны были лишь временно находиться на территории Нидерландов. Однако, в 1980-х годах стало понятно, что большинство таких рабочих не планировали возвращаться на родину. Особенно после нефтяного кризиса 1973 года и экономического спада начала 1980-х годов, когда большое количество семей иммигрантов стало прибывать в Голландию, закладывая основу формирования многотысячной марокканской общины. В результате, большая часть голландской молодежи является марокканцами, которые либо были рождены на территории Голландии, либо приехали в страну в ранние годы. Таких марокканских голландцев принято называть вторым поколением иммигрантов. Хотя большинство имеет голландское или двойное гражданство [2;37], в Нидерландах по-прежнему распространена практика обозначения марокканцев по поколениям. Около двух третей всех иммигрантов прибывают из трех территорий Марокко: 1. горный район Риф вдоль северного побережья, 2. юг в районе Агадира (Суус) и Уарзат и 3. города Танжер, Касабланка, Фес, Мекнес, Марракеш и Рабат. В Нидерландах большинство марокканцев проживают в четырех крупных городах округа Рандстад: Амстердаме, Роттердаме, Гааге и Утрехте [3;40].

Большинство граждан Голландии марокканского происхождения принадлежат к среднему или же низшему экономическому классу. Уровень образованности марокканских иммигрантов значительно улучшился в последние годы, когда все больше марокканских девочек второго поколения стали заканчивать высшие образовательные учреждения.[1;47] Несмотря на это, большинство голландских марокканцев считают, что их социально-экономическое положение является маргинальным. В результате низкой образованности, зачастую недостаточного знания голландского языка, уровень безработицы среди голландской молодежи марокканского происхождения достаточно высокий. Также, не лучшие жилищные условия, отсутствие материальных гарантий, заставляет марокканскую общину изолироваться от голландского общества.

С начала 1990-х годов молодые люди из марокканской общины в Нидерландах, представляют собой постоянную проблему для правоохранительных органов, которая не только включает в себя нарушение общественного порядка и вандализм, но также и такие серьезные правонарушения, как грабеж, кража со взломом и вооруженное ограбление. Более половины из 1,5 и второго поколения молодых марокканских мужчин были обвинены полицией в совершении одного или нескольких уголовных преступлений различной степени тяжести к 23 годам [4;30]. Данные «Отчета об интеграции в 2011 году» Нидерландского института социальных исследований [5;215] достигают 65% от общего числа молодых голландцев марокканского происхождения, что является шокирующим, поскольку первое поколение иммигрантов имеет уровень преступности ниже среднего. 1.5 поколение занимает позицию посередине.

Что же является причиной этой проблемы: нынешнее социально-экономическое и культурное положение иммигрантской группы в принимающей стране или она в большей степени связана с условиями на родине? Без дальнейших аргументов миграционные социологи обычно выбирают первый вариант. Многие исследователи преступности среди иммигрантов в Нидерландах выбрали второй вариант.

Марокканская преступность в Нидерландах дает нам возможность исследовать именно второй вариант. Статистическое управление Нидерландов располагает данными о демографических и социально-экономических характеристиках, предполагаемых преступлениях и региональном происхождении марокканцев первого поколения и их детей в Нидерландах. Это позволяет оценить, в какой степени вероятность того, что молодые люди из Марокко, подозреваемые в совершении уголовного преступления, различаются в зависимости от их регионального происхождения или происхождения их родителей. [6;3]

Анализ показывает различия в показателях преступности по региональному происхождению: марокканцы в возрастной группе от 15 до 25 лет, из сельских регионов чаще подозреваются в совершении преступления в Нидерландах, а также иммигранты из ранее забытого и политически мятежного Рифского горного региона. Исследования показывают, что молодежь, прибывшая в Нидерланды и являющаяся молодежью 1.5 поколения, уже занималась преступной деятельностью или правонарушениями в Марокко. Это связано с марокканским способом воспитания детей, особенно в берберском регионе Рифа. Маленькие дети воспитываются их матерью, но начиная с восьми лет отец несет за них ответственность. Мальчики становятся частью мужского мира и проводят много времени вне дома. Они проводят время в школе, на улице и на рынке. Поскольку их отцы находятся в Европе, некому их дисциплинировать и исправлять. Для матерей риск потерять контроль над своими сыновьями и заставить их «испортиться» было важной причиной настаивать на воссоединении семьи в Европе. Социальный

контроль, в той мере, в какой он все еще существует в Марокко, в Нидерландах еще более сократился. Более широко, марокканская преступность в Нидерландах часто объясняется тем, что большинство этих иммигрантов происходят из слаборазвитой сельской местности и из северного района Рифа, который имеет репутацию «грубого индивидуализма» и политической бунтарства.[6;5]

Огромное социально-экономическое и культурное расстояние от марокканской деревни до голландского городского общества также накладывает свой отпечаток на воспитание молодых голландцев марокканского происхождения. У людей из сельской местности семьи намного больше, чем у городских жителей, и им пришлось сделать гораздо больший переход от традиционного образа жизни, чтобы поселиться в Нидерландах. В литературе по марокканской эмиграции приводятся примеры неграмотных женщин, которые впервые познакомились с городской жизнью, когда они приехали в Европу и с трудом справлялись с современностью. Как они должны были воспитывать своих детей в этой среде? Марокканские отцы также слишком хорошо понимали, что контраст между старой и новой культурами может привести к поведенческим проблемам со стороны их детей. Они могли предвидеть, что их дети будут подвержены «разврату Запада», и именно поэтому они так долго сопротивлялись идее воссоединения семьи. Если социально-экономическая и культурная дистанция определяет, насколько трудно преодолеть этот разрыв, можно ожидать, что марокканцы из сельской местности будут более склонны к развитию преступного поведения, чем жители городов. Это будет особенно справедливо для второго поколения и, в меньшей степени, для 1,5 поколений, учитывая их большую вероятность пострадать от конфликта культур и их более высоких материальных потребностей.

Однако, зачастую представляется невозможным определить четкие рамки, кого относить к сельскому населению, а кого к городскому. Большое число марокканских иммигрантов изначально переехало в большие города внутри Марокко, с целью адаптации к городской жизни и облегчения процесса переезда в Нидерланды. Следовательно, при проведении исследований, данная группа лиц относилась к иммигрантам из городов Марокко, хотя по сути таковыми не являлось.

Социально-экономический статус в Нидерландах имеет значительно большую объяснительную силу, и имеются лишь частичные свидетельства того, что региональные различия проявляются в нынешних социально-экономических различиях. Безработица, низкий образовательный уровень и низкий доход намного лучше указывают на то, с какой вероятностью человек может совершить преступление, чем его региональная принадлежность. Выводы побуждают нас искать причины марокканской преступности в Нидерландах, а не в Марокко. Существует также различие между преступностью 1,5 и первого поколения: независимо от их регионального происхождения, дети, которые приехали в Нидерланды в раннем возрасте, более вероятно подозреваются в совершении уголовного преступления, чем дети, которые провели большую часть своего детства в Марокко.

Таким образом, если присмотреться, марокканская преступность является общим феноменом в Нидерландах, а не результатом сельского или рифского происхождения многих иммигрантов. Можно сделать несколько выводов :

1. Уровень преступности в Нидерландах выше среди марокканцев, которые сами, или их родители, приехали из сельской местности.
2. Разница между сельским и городским населением в преступности является самой большой среди второго поколения и наименьшей среди первых, при этом 1,5 поколения занимают промежуточное положение.
3. Разница между сельским и городским населением в преступности уменьшается после исчезновения значимых различий при попадании в социально-экономическую ситуацию в Нидерландах.

Разумеется, для получения более точных достоверных выводов необходимо учитывать и иные демографические факторы, которые, несомненно, могут являться значимыми для определения корреляции уровня преступности и места происхождения марокканского голландца.

Литература

1. Linda Hererra, Asef Bayat. *Being Young and Muslim: New Cultural Politics in the Global South and North*. Oxford. 2010
2. Loozen S, de Valk H, and Wobma E (2012) Demografie. In: Gijsberts M, Huijnk W and Dagevos J (eds) Jaarrapport integratie 2011. Den Haag: Sociaal en Cultureel Planbureau.
3. Fokkema T, Harmsen C and Nicolaas H (2009) *Herkomst en vestiging van de eerste generatie Marokkanen in Nederland*. Bevolkingstrends 3.
4. Blokland AAJ, Grimbergen K, Bernasco W and Nieuwebeerta P (2010) *Criminaliteit en etniciteit. Criminele carrières van autochtone en allochtone jongeren uit het geboortecohort 1984*. Tijdschrift voor Criminologie 52(2).
5. van Noije L and Kessels R (2012) *Verdachten, slachtoffers en onveiligheidsgevoelens*. In: Gijsberts M, Huijnk W and Dagevos J (eds). Jaarrapport integratie 2011. Den Haag: Sociaal en Cultureel Planbureau.
6. Frank Bovenkerk, Tineke Fokkema. *Crime among young Moroccan men in the Netherlands: Does their regional origin matter?* Utrecht. 2015

Genrikhs V.A. Tomsk State University. MAROCCAN-DUTCH YOUTH IN THE NETHERLANDS. For more than 50 years, Moroccan immigrants are part of the Dutch society. Most of the Dutch youth are Moroccans who were either born in the territory of the Netherlands, or came to the country in the early years. Such Moroccan Dutchmen are usually called the second generation of immigrants. Low level of education, lack of language knowledge, lead to unemployment among this population, which, in its turn, forces Moroccan Dutch to abstract from the mainstream of society. The crime rate among Moroccan immigrants is quite high, which makes this group interesting for researchers. In addition, different generations of immigrants have different indicators of criminal activity. Surprisingly, this indicator is a consequence not only of historical factors, but also of a number of social causes that play a more significant role.

Keywords: Morocco, Holland, youth, immigration, crime.

Е. О. ЗЛОБИНА

МОЛОДЕЖЬ ЛИТВЫ: ОЖИДАНИЯ ОТ ЧЛЕНСТВА В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Исследовав ожидания молодежи Литвы перед вступлением в ЕС, были определены основные индикаторы, по которым можно было судить о том, в какой степени эти ожидания оправдались. Были также проанализированы события и изменения, которые могли повлиять на отношение литовской молодежи. Источниками исследования были данные социологических опросов, проведенные в Литве, а так же статистические данные, отображающие динамику основных экономических показателей и общее положение населения.

Ключевые слова: молодежь, Литва, Европейский Союз, расширение ЕС.

Литва вступила в Европейский Союз в мае 2004 г. в рамках самого большого расширения, в результате которого 10 государств стали новыми членами ЕС. Как известно, для вступления в Евросоюз страны должны были соответствовать Копенгагенским критериям, касающимся том числе и экономической сферы в стране-кандидате: показатели инфляции, объема государственного долга и т.д. [1]. В этой Европейская Комиссия разработала и контролировала проведение ряда реформ для скорейшего включения стран ЦВЕ в состав ЕС [2].

В рамках исследования были проанализированы ожидания молодежи, связанные с изменениями на рынке труда, в системе социальной защиты и общими представлениями о будущем членстве в Европейском Союзе.

Согласно опросам, проведенным осенью 2003 года, 32% литовцев выражали надежду на то, что их жизнь улучшится в течение следующих 5 лет в связи с вступлением в ЕС. Граждане Литвы оказались наиболее оптимистичными по отношению к будущей ситуации на рынке труда: четверть населения ожидала увеличения уровня занятости. Лишь 24% от числа респондентов в Латвии, опрошенных 2004 году, ожидала ухудшения экономической ситуации [3].

Произошедшие в течение 10 лет события после расширения 2004 г. могли оказать влияние на отношение молодежи к членству в Европейском Союзе. Так многие страны «старой Европы» - ЕС-15 приняли меры, препятствующие трудовой мобильности граждан из новых стран ЕС. Срок действия принятых мер окончился лишь в 2011 г. и в силу этого миграция, в том числе и трудовая, в самом деле, началась лишь в 2011 году, когда количество мигрантов в Литвы увеличилось втрое по сравнению с 2010 годом. Так, доля молодежи от общего числа эмигрантов из Литвы в 2013 г. составила порядка 65% от общего числа эмигрантов из Литвы [4].

Большее половины респондентов в возрасте от 16 до 30 лет при ответе на вопрос, что значит быть гражданином ЕС, отвечали: наличие доступа к системам социальной защиты и здравоохранения на всей территории Евросоюза. Литовская Республика в течение десяти лет после распада СССР форсировано проводила реформы, способствующие либерализации экономической и политической жизни граждан, взяв ориентир на европейскую интеграцию. Так, например, было и с системой социального страхования, которая была полностью видоизменена и теперь может классифицироваться как «континентальная» [5, С.70-77]. Процесс подготовки к вступлению в ЕС сопровождался уменьшением доли государственных расходов на систему социального страхования на 2% от ВВП по данным на конец 2003 г. [6]. В целом, правительство Литовской Республики на сегодняшний день расходует на социальные нужды 14,7% от ВВП, что является одним из самых низких показателей в ЕС [7].

Согласно проведенному опросу молодежь в странах-кандидатах на вхождение в ЕС была одной из самых больших групп населения, удовлетворенных работой ЕС и тем, как в рамках Союза осуществляется демократия. Большая часть молодых людей рассматривала членство в ЕС, как способ улучшения экономической ситуации и достижения лучшего будущего для молодежи [8]. Однако уже в 2016 год опрос, проведенный среди молодых людей в возрасте от 16 до 30 лет, показал, что, по мнению опрошенных, их страна находится в затрудненном экономическом положении. Для Литвы это 71% респондентов выразили в этом уверенность. Данный показатель на 14% больше среднего в ЕС [9]. Причиной тому может служить экономический кризис в странах Евросоюза, особо остро ощущающийся в странах с нестабильной экономикой.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что среди всех групп населения молодежь в странах-кандидатах придерживалась наиболее оптимистичных взглядах относительно своего будущего в рамках ЕС. Молодые люди в большей мере доверяли институтам ЕС, механизмам его работы. Нельзя сказать, что в связи со вступлением в

Евросоюз, молодые люди Литвы оказались разочарованными или же их ожидания не оправдались. Тому свидетельство положительная динамика основных макроэкономических показателей. Однако в силу независимости от руководящих органов Евросоюза событий и изменений отношение молодежи Литвы и стран ЦВЕ к ЕС в небольшой степени изменилось в худшую сторону.

Литература

1. *European Commission.*, Accession criteria. [Электронный ресурс]. Режим доступа, https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/policy/glossary/terms/accession-criteria_en, свободный (дата обращения: 24.03.2017).
2. *European Commission.* Report to the European Council. Towards a Closer Association with the Countries of Central and Eastern Europe. 11-12 December 1992. SEC (92) 2301. P. 2-3.
3. *Eurobarometer.* Public Opinion in the candidate countries. [Электронный ресурс]. Режим доступа, http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/cceb/2003/cceb2003.4_full_report.pdf, свободный (дата обращения: 24.03.2017).
4. *Eurostat.* Immigration by age group, sex and country of previous residence. [Электронный ресурс]. Режим доступа, <http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do>, свободный (дата обращения: 24.03.2017).
5. *Антронов В.* Модели социальной защиты странах ЕС. Мировая экономика и международные отношения. №11. 2005.
6. *Eurostat,* Receipts by type. [Электронный ресурс]. Режим доступа, <http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do>, свободный (дата обращения: 25.03.2017).
7. *Eurostat.* Total expenditure on social protection. 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа, [http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/File:Total_expenditure_on_social_protection,_2013_\(%25_of_GDP\)_update.png](http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/File:Total_expenditure_on_social_protection,_2013_(%25_of_GDP)_update.png), свободный (дата обращения: 14.03.2017).
8. Candidate countries' eurobarometer. Young people in the candidate's country. 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа, http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/cceb/2003/2003.1_young_candidate_countries_summary.pdf, свободный (дата обращения: 25.03.2017).
9. *European Parliament.* European Youth in 2016. 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа, http://www.europarl.europa.eu/pdf/eurobarometre/2016/eye2016/eb85_1_eye_2016_analytical_overview_en.pdf, свободный (дата обращения: 25.03.2017).

Науч. рук. – доктор ист. наук, Л. В. Дериглазова

Zlobina E. O. YOUTH OF LITHUANIA: EXPECTATIONS FROM MEMBERSHIP IN THE EUROPEAN UNION. This article is devoted to the question whether the expectations of the young people of the Republic of Lithuania related to the country's accession to the European Union were met. Having studied what hopes the young population of Lithuania has for EU membership, the main indicators were identified, based on which in the future it was possible to judge to whether these expectations were met. Also, it was explored which events and changes influenced the attitude of Lithuanian youth towards the European Union. The work is based on the data from sociological surveys conducted one year before Lithuania's accession to the EU, as well as statistical data reflecting the dynamics of the main economic indicators and the general situation of the population.

Keywords: youth, Lithuania, European Union, European enlargement.

Д.О. КАТАМАН МОЛОДЕЖНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ КАК АГЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Оценивая ситуацию в современном мире с наличием в нем множества молодежных проблем, эксперты ООН в числе приоритетных выделяют проблему «интеграции молодежи в социально-политический процесс и расширения ее влияния на социально-экономическую политику государств»[1]. Частью общей проблемы социализации молодежи является процесс её политической социализации, преследующий цель становления молодого поколения как активного и значимого субъекта общественно-политических отношений. Но характерная для современности противоречивость выбираемой государствами позиции в отношении процесса социализации молодежи (партнерство или контроль) не может не вызывать опасения, ибо она грозит трансформацией молодых участников данного процесса из активного субъекта в объект манипуляций.

В данном контексте обращает на себя внимание подход правительства Великобритании к процессу политической социализации молодежи, который наиболее полно нашёл свое выражение в концепции молодежной политики, разработанной 9 правительственными министерствами при тесном взаимодействии с местными органами власти и их «молодежным сектором», в соответствии с новым видением стратегии «Positive for Youth». Опубликованный 19 декабря 2011 года правительством Великобритании, данный документ излагает стратегию, в соответствии с которой молодые люди должны находиться в самом центре формирования и проведения политики государства, а также в самом центре ее реализации на местах [2].

В современном подходе правительства Великобритании к управлению в сфере политической социализации молодежи просматривается следующая тенденция. Правительство и местные органы власти все чаще начинают смотреть на проводимую политику и деятельность своих служб в сфере социализации молодежи сквозь призму потребностей самих молодых людей. Сегодня «голос молодежи» из одностороннего монолога постепенно превращается в диалог между молодыми людьми, молодежными работниками, организациями и законодателями. Поддержка этого диалога на всех уровнях рассматриваемой политики вселяет в молодёжных активистов надежду на то, что их мнение действительно может быть услышано и учтено при принятии решений на национальном и местном уровнях.

На сегодняшний день государственной политике Великобритании в сфере социализации молодежи свойственна каскадная структура, состоящая из трех уровней. Первый уровень – это разработка центральным правительством законодательной базы и общих направлений политики; второй уровень – делегирование правительством возможностей осуществления политики региональным и муниципальным администрациям; третий уровень – «ответственная деятельность» молодежных организаций, являющихся основным инструментом участия молодых людей в политике, что позволяет рассматривать эти организации в каждом конкретном случае как агентов процесса политической социализации. Согласно стратегии «Positive for Youth», главным условием эффективности механизма политической социализации молодежи является тесное взаимодействие субъектов всех трех уровней каскадной структуры с ключевой ролью местных руководителей при формировании и реализации услуг, необходимых для удовлетворения потребностей молодых людей.

Эффективность работы механизма политической социализации молодежи напрямую зависит от того, насколько полно молодые люди будут вовлечены в демократический процесс еще до достижения возраста, дающего им право принимать участие в общегосударственном избирательном процессе. Поэтому в числе самых активных агентов политической социализации молодежи являются Британский молодежный совет (БМС) и Молодежный парламент Соединенного Королевства (МПК).

Вскоре после окончания Второй мировой войны в рамках подготовки к Всемирной ассамблее молодежи 1948 г. началось объединение молодых людей по всей стране. В итоге, по инициативе министерства иностранных дел Великобритании был образован Британский молодежный совет. Возможно, что истинная цель его создания британским правительством в те годы, в обстановке напряженных международных отношений, действительно заключалась в объединении молодых людей для борьбы против коммунистических сил. Но уже через 15 лет Британский молодежный совет вышел из-под жёсткой опеки правительства. В 1963 г. Совет получил статус общественной организации и начал заниматься благотворительной и культурно-просветительской деятельностью. На протяжении более чем полувека он предоставляет также молодым людям, в большинстве своем в возрасте от 11 до 17 лет, возможность выражать своё мнение, быть услышанным государственной властью. На сегодняшний день программный документ Британского молодежного совета охватывает широкий спектр тем, которые касаются непосредственно молодых людей - от вопросов, связанных с общественным транспортом, и до вопросов, затрагивающих действующий процесс образования, что лишний раз доказывает, что современная молодежь не равнодушна к миру, в котором она живет [3].

По данным Британского молодежного совета, до 19, 8 тыс. молодых людей в свободное от учебы время представляют своих сверстников в 620 местных молодежных советах [4, с. 18]. Советы оказывают влияние на принятие решений местными органами власти и формирование деятельности местных служб, что в свою очередь делает предоставляемые молодежи услуги более эффективными. Фиксируется рост вовлечённости молодых людей в деятельность молодежных советов, расширение представительства молодых людей в руководящих и административных комитетах, а также в деятельности инспекционных служб. Отсюда совершенствование реализуемой политики и усиление контроля над ней «снизу».

Мощной политической платформой для молодых людей является и созданный в 2001 г. Молодежный парламент Соединенного Королевства, отцом-основателем которого считается представитель консервативной партии Эндрю Роу. Последний всегда был сторонником того, чтобы молодые люди Великобритании имели право голоса по всем непосредственно затрагивающим их проблемам. Цель Молодежного парламента, как это сформулировано в его программе, состоит в том, чтобы донести закрепленные в данном документе положения до людей, принимающих ключевые решения на национальном и местном уровнях, и особенно до тех, кто разрабатывает программные документы своих политических партий [5].

В числе мер, предложенных в манифесте Молодежного парламента 2015-2016 гг., значатся:

- взаимодействие местных депутатов британского Парламента и его советников с местными школами, чтобы молодые люди чувствовали себя вовлеченными в политическую жизнь, постигая суть политического процесса с самого раннего возраста;

- участие молодых британцев в молодежных выборах и референдумах, в молодежных комитетах, конференциях и других мероприятиях, организуемых для молодых людей по политическим вопросам;

- обеспечение права молодых людей получать консультации в местных молодежных советах и от избранных ими членов Молодежного парламента;

- законодательное закрепление обязанности членов Парламента и местных органов власти вовлекать молодых людей в процесс принятия важных решений [5, с. 7].

Такие меры, по мнению членов Молодежного парламента, способствуют росту информированности и образованности молодого поколения, а также приобретению им практических навыков в политической сфере. Вовлечение молодых людей в процесс принятия важных решений – наилучший способ дать им почувствовать себя в качестве важной составляющей общества. Чтобы обеспечить в деле приобщения к процессу принятия важных решений и просто в деле «рационального» вовлечения в политическую жизнь равные возможности всем молодым людям, требуется соответствующее финансирование. Только финансируемые должным образом общественные и молодежные службы в состоянии содействовать активному вовлечению молодых людей в жизнь общества, обеспечивая рост взаимоуважения между его членами. Но в период повсеместного сокращения денежных ресурсов государственного аппарата молодежные службы Великобритании особо остро ощущают нехватку финансовых средств, вследствие чего им становится все труднее противостоять антисоциальному поведению молодых людей [5]. Предполагаемый выход из данной ситуации – привлечение определенных ресурсов «со стороны» - означает подконтрольность молодежных инициатив другим субъектам политической социализации. Здесь кроется опасность: из активного участника этого процесса молодежные организации могут превратиться в простой объект воздействия.

Согласно финансовой отчетности Британского молодежного совета за 2006-2016 гг., фиксированный доход снизился в 2010-2011гг., 2012-2013 гг., 2014-2015 гг., 2015-2016 гг. на 51,3%; 39,4%; 23,2%; 10,1% соответственно, а нефиксированный увеличился в 2010-2011 гг. - на 131,1%, в 2012-2013 гг. – на 33,6%. Затем наблюдалось его сокращение: в 2014-2015 гг. - на 7,5%, в 2015-2016 гг. – на 28,7%. В итоге доходы за 2014-2016 гг. снизились на 31,6%. В 2010-2011 гг., 2012-2013 гг., 2014-2015 гг., 2015-2016 гг. расходы превысили доходы [6].

Иными словами, в 2010-2011 гг., 2012-2013 гг., 2014-2015 гг., 2015-2016 гг. Британский молодежный совет не получал должного финансирования. Отсутствие же гарантий должного финансирования молодежных организаций может кардинально изменить роль последних в процессе политической социализации молодежи с активной на пассивную. Привлечение определенных ресурсов «со стороны» часто ставит молодежные инициативы под контроль других субъектов политической социализации и ограничивает самостоятельность молодежных организаций, которые уже не могут брать на себя ответственность за эту деятельность в полном объеме. Таким образом, эти организации в любой момент из активных участников - агентов процесса политической социализации могут превратиться в объект манипуляций теми или иными субъектами.

Литература

1.The Global Situation of Youth: trends and Prospects 2000-2025. UN Report, 2000. / [United Nations] – Режим доступа: <https://www.un/esa/socdev/unyin/wywatch/glob1-2.htm>], свободный (дата обращения 05.03.2017).

2.Positive for Youth. A new approach to cross-government policy for young people aged 13 to 19. Department for education, 19 December 2011. / [Government UK]. – Режим доступа: <https://www.cyp1.org.uk/userfiles/file/Positive%20for%20youth.pdf>], свободный (дата обращения 01.03.2016).

3.British Youth Council Manifesto 2014-2015. / [British Youth Council]. – Режим доступа: http://www.byc.org.uk/media/267968/byc_manifesto_2014-2015.pdf], свободный (дата обращения 28.02.2016).

4.Annual Review 2009/2010. / [BritishYouthCouncil]. – Режим доступа: http://www.byc.uk/media/16607/byc_annual_review_2009-2010_for_web.pdf], свободный (дата обращения 29.02.2016).

5.UK Youth Parliament Manifesto 2015-2016. / [UK Youth Parliament]. – Режим доступа: <http://www.ukyouthparliament.org.uk/wp-content/uploads/Manifesto-2015-2016.pdf>], свободный (дата обращения 28.02.2016).

6.Рассчитано: British Youth Council Annual Reviews 2006-2016. / [BritishYouth Council]. – Режим доступа: <http://www.byc.org.uk/aboutus/annual-reviews>], свободный (дата обращения 06.03.2017).

Ключевые слова: Великобритания, молодежь, политическая социализация

Key words: Great Britain, youth, political socialization

МОЛОДЁЖНЫЕ ДВИЖЕНИЯ ЗА ТРЕЗВЕННИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

В статье рассматривается опыт зарубежных трезвеннических движений, а также приводится анализ подобных движений в России. В ходе сравнения автор рассматривает причины, вовлекшие активистов этих движений в подобного рода инициативы. Первая часть, т.е. рассмотрение зарубежного опыта, возможна благодаря написанным статьям, эмпирической базой которых послужило масштабное исследование локальных сообществ в нескольких штатах Америки. Вторая часть – анализ российского опыта, стала доступна благодаря эмпирическому материалу, собранному в рамках одного из проектов¹ Центра молодёжных исследований.

Ключевые слова: сообщества, молодёжь, инициативные группы, трезвеннические установки, здоровый образ жизни (ЗОЖ).

Рассматривая тему сообществ, которые борются за установки здорового образа жизни (ЗОЖ), в том числе за отмену алкоголя, сигарет и наркотиков, стоит обратить внимание на зарубежный опыт анализа подобных сообществ. Данные сообщества были рассмотрены американскими исследователями, некоторые из них настаивают, что в подобной деятельности стоит уделять особое внимание именно молодёжи [1. С. 854]. Так как именно эта возрастная группа находится на стадии выбора - начинать или не начинать потребление алкоголя, курение сигарет, употребление наркотиков. И именно эту возрастную группу можно отстранить от покупки алкоголя и сигарет на законодательном уровне [2. С. 362].

За рубежом низовые инициативные группы за трезвость стали себя проявлять раньше, чем российские. Многие зарубежные авторы отмечают, что уже в 70х годах прошлого века в нескольких штатах Америки были образованы инициативные группы в сообществах, которые боролись за снижение уровня потребления алкоголя и курения или за полный отказ от этого «вредного потребления». В 80-90х годах такие инициативы начали возрождаться, авторы отмечают именно возрождение данных сообществ. Новым толчком для анализа подобных сообществ послужило исследование, проведенное в семи штатах Америки (1996-1999 гг.), где было взято 184 интервью² с лидерами и участниками инициативных групп, которые выступали за снижение употребления алкоголя в сообществах.

Главными основаниями для формирования такой деятельности активисты называли различные поводы для недовольства, которые мешают спокойно жить конкретному человеку в этом сообществе, ими могли стать преступления и беспорядки на почве алкогольного опьянения, употребление/продажа наркотиков в районе, что делало его неблагополучным. Других активистов мобилизовали несчастные случаи, в том числе из-за вождения в нетрезвом виде [3. С. 347]. Как отмечают авторы, существуют отдельные исследования относительно борьбы с теми, кто садится за руль в состоянии алкогольного опьянения, и не смотря на существование законодательных норм, срабатывали также социальные, когда нетрезвые водители чувствовали порицание со стороны своего сообщества.

Отмечалась особая роль ресурсов, прежде всего человеческих, которые с одной стороны имелись благодаря лидерам, с другой стороны проявлялись в том, что активисты шли отстаивать эти интересы на добровольной основе. Без подобных ресурсов деятельность инициативных групп также была бы невозможна. Авторы отмечали, что происходила трансформация индивидуальных интересов в общую цель [4. С. 134]. И здесь важно было, чтобы руководитель или рядовой член в группе, «заразившись» трезвеннической идеей, распространял анти-алкогольные и анти-табачные установки в своей среде (семья, коллеги, компании и т.д.).

Если говорить о самой деятельности в рамках этих инициатив, то стоит отметить специальные компании для молодёжи, в рамках которых им прививалось «правильное» отношение к своему потреблению (она могла вестись в школах, через СМИ и листовки). Прививалось оно через убеждение, что курение влияет на

¹ Статья основана на результатах проекта «Продвижение молодежного участия и социального включения: анализ молодежных активистских инициатив и сообществ Санкт-Петербурга», выполняемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016-2017 гг. НИУ ВШЭ при этом выступает партнером в международном проекте «PROMoting youth Involvement and Social Engagement: Opportunities and challenges for 'conflicted' young people across Europe», реализуемом в рамках программы исследований и инноваций Европейской комиссии ГОРИЗОНТ 2020 в 2016-2019 годах.

² Данное исследование финансировалось за счёт грантов «National Institute of Alcohol Abuse and Alcoholism» (RO1 AA10195) и «The Substance Abuse Research Policy program» (39033). Фонд Роберта Вуда Джонсона. Дата проведения 1996 – 1999 гг.

их разум, интеллект, нравственность и здоровье, многим школьникам, например, удалось привить потребление «правильное» [5. С. 9].

Понятие «правильного» потребления было основой для формирования гражданских аспектов потребления, которые явились тем методом, который позволил законно не продавать алкоголь людям, например, не достигшим необходимого возраста и в этом авторы видят большую пользу и эффективность. Всё это затрагивало эτικο-политическую сторону проблемы. Также, в этой борьбе за безалкогольное и безтабачное сообщество, значимым является влияние местных властей на ситуацию с продажей алкоголя и сигарет, так отмечают авторы исследований, посвященных кейсу по Норвегии [6. С. 458]. Органы местной власти могли контролировать и регулировать продажи алкоголя подросткам, тем самым прививать молодым гражданам то самое «правильное» потребление.

Здесь были описаны основные мотивы и некоторые тактики тех членов сообщества, которые пошли против употребления алкоголя и табака в некоторых зарубежных странах. Теперь перейдем к опыту отечественных активистов.

Множество статей отечественных авторов, посвящены различным молодёжным организациям и движениям [7. 8. 9.]. Однако, стоит отметить, что исследования о вовлеченности российской молодёжи в различные трезвеннические движения отсутствуют. Хотя подобные движения сформированы на территории многих регионов России. История их создания относится ещё к концу прошлого века, когда студенты и школьники впервые услышали лекции В.Г. Жданова. Единственную статью, которую удалось найти, автор посвятил «Трезвой Лиге», в ней описано, какие установки движут российскими трезвенниками [10].

Эмпирической базой для данной статьи послужили интервью и дневники наблюдения, собранные в рамках реализации научного проекта: «Продвижение молодежного участия и социального включения: анализ молодежных активистских инициатив и сообществ Санкт-Петербурга», автор был включен в молодёжные сообщества участники, которых отстаивают общественный порядок, борются за моральный и правовой порядок в обществе. Эти сообщества образованы за счет низовых инициатив, которые направлены на борьбу с проблемами локального характера и мобилизуются для решения конкретных проблем, таких как контроль за порядком в своем дворе, борьба против наркотиков, уборка улиц от рекламы проституции и др. В ходе поля обнаружилось отдельное сообщество, участниками которых являются только трезвенники.

В описании этих сообществ автору потребовалось прибегнуть к таким теоретическим конструктам, как сцена [11] и концепция солидарностей [12]. Первый конструкт позволяет очертить время, место, действия данных групп, а также увидеть тех, для кого эта деятельность делается или кто её оценивает. В рамках этого автор ставит акцент на коммуникативные практики, посредством которых молодежь реализует свои культурные стратегии, для этого использует второй концепт – солидарностей. Благодаря этому подходу возможно рассмотреть включение молодёжи в общие для неё практики, события, которые могут быть культурными или идеологическими, местными или глобальными, временными или постоянными. При этом участие молодёжи в каком-либо проекте может иметь разнообразные интерпретации, в рамках данного исследования автор подробнее остановился на тех смыслах, которые участники сообщества вкладывают в свою деятельность.

Атрибут времени позволил определить, какой социальный вызов призвал активистов начать объединяться для решения каких-то проблем. У всех информантов была такая точка кипения, после достижения которой, они с группой единомышленников или поодиночке начинали действовать для решения проблемы, вызвавшей эту самую точку кипения. Одним информантам было безразлично, что их дети дышат воздухом отравленным никотином, рядом стоящего и курящего человека, другие отмечали статистику, из которой следует, что большинство преступлений насильственного характера были совершены в состоянии алкогольного опьянения, третьи говорили о вреде здоровью и интеллекту от никотина и алкоголя. Благодаря тем или иным «обидам» на окружающее сообщество сформировалась группа, главной установкой которой является трезвый образ жизни.

«Вот те, кто хоть немного пьёт, его сразу видно, у него круг интересов сужен, с ним поговорить не о чем» [Дневник №12 от 18.02.2017].

Судя по методам борьбы активистов, они также видят нехватку «правильных» развлечений, поэтому распространяют информацию о тех мероприятиях, где неприято употреблять никотин и алкоголь (например, трезвые слёты, вечёрки и проч.).

Эти тезисы схожи с теми, которые выявили зарубежные исследователи, т.е. неблагоприятная социальная (преступная) среда, окружающая активистов и отсутствие правильного досуга повлияли на то, что данные люди начали заниматься «отрезвляющей» деятельностью.

Если говорить о месте, то здесь стоит вспомнить, что, например, в зарубежных исследованиях авторы не говорили о каком-то особом пространстве участников групп. Для них было важно действовать в рамках конкретного сообщества. В исследовании российских активистов обнаружили места, где, с одной стороны, ведется подготовительная работа для проведения акций и примечательно, что в одном из них присутствует портреты их «кумиров», т.е. заслуженных трезвенников, а также различные газеты, листовки,

которые активисты используют в своей деятельности. С другой стороны, под местом активистов также можно понимать общественные пространства в сообществе (город Санкт-Петербург), т.к. именно в этих пространствах распространяется информация трезвенников.

Здесь также появились сходства: и те и другие сообщества видели необходимость в огласке своей деятельности и распространении информации о ней. В том числе за счет новых пришедших активистов, которые распространяли трезвеннические установки в своей среде. Подобно опыту зарубежных стран питерские и другие российские активисты пытаются распространить разделяемые установки не только в своей среде, но и в других группах (коллеги по работе, школа, университеты). При этом не только за счет тех, кто уже есть в сообществе, но и своим вхождением в абсолютно новую группу, например, проводят лекции в школах разных районов города.

Активисты в России также как и их «коллеги» в Америке пытаются привить трезвеннические установки через убеждения того, что алкоголь – это вред. Таким образом, активисты также прививают своей аудитории гражданские аспекты потребления и установки на «правильное» потребление. Это просматривается и в том, что некоторые активисты являются вегетарианцами, распространителями здорового питания (БАДов) или просто придерживаются правильного питания, что уже говорит о ЗОЖ-установках.

Здесь также, как и в зарубежных исследованиях появляются не только трезвеннические установки, но и установки на здоровье, как физическое, так и эмоциональное, а также на интеллект.

В отличие от опыта зарубежных активистов, активисты из России не видят для себя пользу от коммуникации с органами местной власти (чиновников). В сообществе официально запрещено обсуждение политики, однако активисты, так или иначе, критикуют политику власти, в частности за то, что допущена эффективная американизация российской молодежи и все беды, по мнению информантов, во многом происходят именно по этой причине. Именно поэтому, по мнению участников, сформировалось такое сообщество активистов, которые борются за моральные устои и облик российской молодежи, в том числе за исконно русские трезвеннические установки.

Однако, активисты признают важность и необходимость коммуникации с чиновниками, но пока они не вышли на уровень успешной коммуникации. Говоря про эту коммуникацию с органами местной власти активисты отмечают, что необходимо, чтобы люди заявили о своей готовности к трезвому образу жизни и только после этого органы власти могут откликнуться на такие инициативы. Но, однако, стоит увидеть и прогресс в этой коммуникации, так как в некоторых инициативных группах образовалась связь между активистами и, например, полицией, отдельного района (community). Совместные рейды позволяют выявить тех, кто незаконно торгует алкоголем (в неположенное время, без лицензии или осуществляет продажу подросткам). Однако, об успешной коммуникации говорить пока рано, в отличие от зарубежных стран, где многие информанты говорили именно об эффективности их деятельности.

Литература

1. Holder H. D. Community prevention of alcohol problems // *Addictive behaviors*. – 2000. – Т. 25. – №. 6. – С. 843-859.
2. Drabble L., Herd D. Strategies Employed by Inner-City Activists to Reduce Alcohol-Related Problems and Advance Social Justice // *Journal of ethnicity in substance abuse*. – 2014. – Т. 13. – №. 4. – С. 362-384.
3. Herd D., Berman J. Mobilizing for change: Activism and alcohol policy issues in inner city communities // *Social Movement Studies*. – 2015. – Т. 14. – №. 3. – С. 331-351.
4. Edwards B., McCarthy J. D. Resources and social movement mobilization // *The Blackwell companion to social movements*. – 2004. – С.116-152.
5. Keirle P. Citizens and the cigarette: The civic dimensions of America's earliest, youth-targeted, mass-mediated anti-cigarette campaign // *Journal of Consumer Culture*. – 2013. – Т. 13. – №. 1. – С. 3-24.
6. Sæbø G. Away with tobacco? On the early understandings of tobacco as a problem and the associated attempts at political regulation of tobacco in Norway 1900–1930 // *Nordic Studies on Alcohol and Drugs*. – 2014. – Т. 31. – №. 5-6. – С. 443-466.
7. Krivonos D. Life after Nashi: autonomy, loyalty and sincerity in a youth movement "Stal" // *Этнографическое обозрение*. – 2015. – №. 1. – С. 72-89.
8. Давыдов А. В., Коряковцева О. А. Молодежные организации и движения в России: история и современность // *PolitBook*. – 2014. – №. 3.
9. Меркулов П. А., Малик Е. Н., Бударина К. А. Институционализация молодежных организаций и ассоциаций современной России: проблемы и перспективы // *Власть*. – 2015. – №. 4.
10. Сняжков В.В. XXI век начинается. Трезвая Лига // *Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник*. – 2015. – №. 5. – С. 165-180.
11. Hodkinson P. Youth cultures and the rest of life: subcultures, post-subcultures and beyond // *Journal of Youth Studies*. – 2015. – С. 1-17.

12. Pilkington H., Omel'chenko E. Regrounding Youth Cultural Theory (in Post- Socialist Youth Cultural Practice) / H. Pilkington, E. Omel'chenko //Sociology Compass. – 2013. – Т. 7. – №. 3. – С. 208-224.

Науч.рук. – профессор, доктор социол. наук., Е.Л. Омельченко

Kravitcova A.N. THE YOUTH MOVEMENTS FOR ANTI-ALCOHOLIC BEHAVIOR IN RUSSIA AND ANOTHER COUNTRIES. The author considered the experience of foreign anti-drinking movements and analyzed the similar movements in Russia. The researcher examined the reasons that led the activists of these movements into such initiatives. The first part of the article became possible owing to articles, which was founded on study of local communities in several states of America. In these communities was groups of people who struggled for anti-drinkings behavior. The second part (anti-drinking movements in Russia) was made available through empirical material collected in the framework of one of the projects of the Center for Youth Studies.

Keywords: communities, youth, initiative groups, anti-drinking behavior, healthy lifestyle.

Н. В. ЛЕСКИНА

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

На основе анализа основных документов Болонского процесса выделяются его основополагающие принципы и нормы. Анализируется эволюция и взаимосвязь трех групп норм, лежащих в основе процесса: фундаментальных, социальных и экономических. Болонский процесс рассматривается как попытка рефлексии о прошлом, настоящем и будущем европейского университета с целью сохранения лучших достижений, и его адаптации к современным потребностям.

Ключевые слова: нормы, ценности, Европейское пространство высшего образования, Болонский процесс.

Университет, насчитывающий почти тысячелетнюю историю, является одним из старейших европейских институтов. Поразительно, что вплоть до середины XX в. он претерпел лишь незначительные изменения. Современные процессы активной трансформации и коммерциализации университетов вызывают опасения об утрате их европейской идентичности [1]. Любой социальный организм способен к адаптации, но до каких пределов она допустима? В условиях современных реформ не девальвируется ли фундаментальная ценность европейского университета, заключающаяся в свободном поиске истины?

Одной из наиболее масштабных комплексных программ модернизации высшего образования является Болонский процесс, ставящий своей целью создание единого пространства высшего образования. В результате Европа должна была стать более привлекательной и конкурентоспособной в мировом масштабе, что обеспечило бы жизнеспособность и эффективность её цивилизационных основ, сохранение «культурного богатства и разнообразия языков» [2]. Возрожденное пространство должно быть воздвигнуто на европейском интеллектуальном, научном и культурном наследии.

Тем не менее, Болонский процесс критикуют за стандартизацию высшего образования, его рыночную направленность и потерю европейской идентичности вузов [1,3,4]. Создается противоречивая картина, которая делает необходимым систематизацию его принципов и их пояснения. Для этого следует обратиться к истории развития университета. В настоящей статье Европейское пространство высшего образования предстает в ретроспективе процесса формирования норм, на которые оно опирается.

Эволюция норм связана с изменением представлений каждого нового поколения о том, как университеты должны быть устроены, и в чем заключается их основная миссия в отношении общества и власти, и поэтому будет проанализирована в контексте их возникновения и существования.

Зарождение университета

Университет появился как средневековая ассоциация преподавателей и студентов, объединенных целями получения и распространения знаний, для защиты своих интересов. Данные корпорации назывались *universitas* (лат. – совокупность, универсум, мир), от которых и происходит современное название университета.

Universitas получали признание от Папы Римского, что обеспечивало эквивалентность степеней на всем пространстве католической Европы [5. С. 24]. Папа и император быстро осознали, что университетские корпорации могли предоставить идеологическую поддержку и интеллектуальные ресурсы, необходимые для поддержания целостности *Corpus Christianum* и Священной империи, и поэтому даровали им обширные привилегии [6. С. 41]. Привилегия автономии предполагала, что академическое сообщество могло вести себя независимо по отношению к внешнему миру (в том числе и к городским властям), самостоятельно осуществлять прием новых членов, регулировать свое внутреннее устройство. Такие широкие свободы были инновационными для средневекового мира.

Большое значение имел закон Фридриха Барбароссы 1155 г., гарантировавший императорскую защиту от местных властей всем, кто находился в пути по образовательным причинам [6. С. 40]. Для средневекового университета не существовало границ, студенты и преподаватели в поисках истины странствовали по всей Европе, обмениваясь знаниями. Единство интеллектуального пространства обеспечивалось за счет общего языка – латыни, единой системой дипломов, схожей структурой университетов и методов преподавания. Вследствие этого, академическое сообщество было интернационально, и основывалось на принципах толерантности и солидарности.

Для того, чтобы получить университетское образование, необходимо было изучить искусства, право, теологию, и медицину [7. С. 27]. Интегрированность всех четырех наук отражала идею о цельности истины и веру средневекового человека в духовное и материальное единство мира: трансцендентальные идеи находили материальное воплощение на земле.

Помимо этого, идея об универсальности знаний предполагала, что они создавались не для удовлетворения потребностей местного сообщества, а напротив, должны быть доступны всем [7. С. 28]. Они воспринимались как общественное благо, и университеты были открыты для всех христиан, способных обучаться на латыни [6. С. 41].

Что касается методов преподавания и обучения, то они прошли эволюцию от *lectio* и *transmission* к *quaestio* и *disputatio*, то есть от изучения текстов и передачи знаний к вопросам и обсуждению [8. С. 363-364]. В дискуссиях о различающихся, а порой и противоречащих друг другу, трактовках к классическим текстам ученые искали истину. Способность задавать вопросы способствовало формированию критического мышления – одного из столпов науки. Вопросная беседа, исследователи признавали «другого» как партнера в интеллектуальной беседе [6. С. 43], что вело к утверждению принципов терпимости и плюрализма мнений. Именно на этом основании впоследствии вырос гуманизм, уважающий достоинство человека [9].

«Золотой век» университета длился недолго, но навсегда оставил в памяти академического сообщества ностальгическое воспоминание о себе как о недостижимом идеале единства. Постепенное приумножение знаний привело к приходу специализации на место энциклопедичности. Достаточным стало изучение 7 «свободных искусств», которое осталось базовым требованием, и последующее постижение одной выбранной науки [7. С. 30].

Формирование национальных государств и Реформация привели к разрыву единства образовательного пространства. Подготовка нового социального класса – государственных служащих, не зависящих от Церкви – стало приоритетом для государства, и университеты стали местом, предоставлявшим такое образование [7. С. 25]. С XIV в. подготовка к профессии превращается из вспомогательной функции высшего образования в одну из основных. Постепенно органы государственной власти начинают все больше вмешиваться в деятельность университета, что было связано не только с их желанием, но и с внутренним разложением академического сообщества [10. С. 86]. Это привело к развитию национальных моделей университетов, которые стали замыкаться в границах своих стран и приспособляться под нужды государства.

Однако даже в это время университет остался мостом, связывавшим страны Европы [5. С. 45]. Гуманистические взгляды позволяли признавать и уважать «другого»: возникший на основе общности ценностей литературный мир (*République des lettres*) перешагивал национальные границы.

Реформа XIX в.

Структура университета, состоявшего из четырех факультетов, и сопротивление изменениям академическим сообществом препятствовали интеграции новых практических знаний (военное дело, управление) и научных областей (химия, физика). С XV в. начинают появляться научные сообщества, академии и другие специализированные учреждения (лаборатории, ботанические сады), которые занимались исследовательской деятельностью. Постепенно университеты стали местом обучения сыновей состоятельных людей, где устаревшие курсы преподавались нудными мастерами [10. С. 80].

Это привело к тому, что рационально мыслящие французские революционеры сочли университеты бесполезным и элитарным институтом и распустили их в 1793 г.³ На смену им пришла система высших школ, предоставлявших узкоспециализированное практико-ориентированное образование. Доступ к нему предоставлялся на основе достижений и заслуг, что восстанавливало идею справедливого доступа к высшему образованию как общественному благу и равенства возможностей. Однако научное знание стало разрозненным, и целью новых институтов было обучение профессиональным навыкам, а не поиск истины.

Важная реформа произошла примерно в это же время в Пруссии. В 1810 г. под руководством Вильгельма фон Гумбольдта, вдохновленного идеями Ф. Шлейермахера, был учрежден Берлинский университет. В основании нового вуза наравне с возрожденной свободой преподавания и обучения лежала идея о единстве науки [10. С. 86]. Академическая свобода заключалась в выборе способов обучения, предметов и взаимоотношении университета с государственными властями.

³ Университеты во Франции были восстановлены только в 1895 г.

В новом университете обучение и преподавание были объединены с наукой, а теоретические знания с практикой. По мысли Ф. Шлейермахера, функция университета состоит не в преподавании принятого знания, которое потом может напрямую применяться на практике, как в колледжах или французских политехнических институтах, но в том, чтобы показать, как знание было открыто, «пробуждая идею науки в умах студентов и стимулируя их размышления о фундаментальных законах науки в каждом их действии» [6. С. 47].

Впоследствии французская модель политехнических институтов и исследовательский университет Гумбольдта распространились по всему миру и сохранились в таком виде до середины XX в. Сильный урон был нанесен тоталитарными режимами, когда университеты были поставлены на службу пропаганде, а связи между ними были разрушены войной. В новой послевоенной Европе подчеркивалась необходимость возобновления сотрудничества на демократических принципах [11. С. 743].

Новые условия/решения Болонского процесса/ Дискуссия

Во второй половине XX в. университет подстерегали новые вызовы. Одной из определяющих тенденций стала массовизация. Университет не мог самостоятельно справиться с увеличением числа студентов в геометрической прогрессии [12. С. 899, 908], и все больше полагался в вопросах финансирования на государство.

Кризис массового университета обнаружился в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Массовизация привела к ухудшению профессиональных перспектив, условий жизни и обучения [13], недовольство которыми проявилось в студенческих беспорядках 1968 г. Государственные расходы на высшее образование не поспевали за темпами роста сектора, что стало особенно очевидным после бюджетного кризиса 1970-х гг. и последовавшего за ним кризиса государства благосостояния. С 1980-х гг. многие европейские страны начали проведение реформ, направленных на коммерциализацию высшей школы [14. С. 149], что вызывало критику и сопротивление академического сообщества.

Новыми мерилami университетов становятся конкурентоспособность и прибыль. Студенты в свою очередь также рассматривают университет как вложение капитала, место получения профессии и практических навыков.

Быстрое развитие технологий и большой объем информации усиливали фрагментацию и специализацию знаний. Научное и гуманистические измерения культуры все больше отдаляются друг от друга [15. С. 386]. Университет более не заботится о целостном развитии личности. Парадигма обучения, при которой профессора преподавали не только специальные предметы, но моральные принципы и ценности, исчезает [15. С. 386].

Появление и распространение теории экономики знаний привело к еще большему давлению на вузы. От университета стали ожидать технологий и инноваций, в отсутствие которых экономика не будет конкурентоспособной. Таким образом, высшее образование становится ответственным за экономическое процветание общества. Высшей ценностью нового инновационного или предпринимательского университета становится польза, а не истина как было ранее.

Приоритет экономической составляющей высшего образования сделал важным сотрудничество в рамках ЕС, который его рассматривал в первую очередь как профессиональную подготовку [14. С. 150]. Программы ЕС, такие как ЭРАЗМУС, возрождали «европейское измерение» образовательного пространства. Постепенно формировалась идея о необходимости воссоздания общего интеллектуального пространства Европы – задача, которая была реализована в рамках Болонского процесса.

По своей сути Болонский процесс – это форум, площадка для диалога, предоставляющий основным заинтересованным сторонам возможность договориться о направлении будущих реформ. Решения министров образования принимаются в консультации с транснациональными сетями: ассоциациями университетов, студентов и работодателей. Реализация реформ и оценка их результатов также во многом опирается на данные объединения.

Позиция вузов, представленных Европейской ассоциацией университетов, была сформулирована еще в 1988 г. в Великой Хартии университетов. В ней были закреплены фундаментальные принципы университетов: их автономия от политической и экономической власти, неделимость преподавания и исследовательской деятельности, академическая свобода, толерантность и открытость к диалогу. Помимо этого утверждалась и культурная функция университета: он признавался носителем европейской гуманистической традиции, преодолевающий географические и политические барьеры в стремлении к универсальному знанию. Университеты должны дать будущим поколениям образование, которое научит уважать «великие гармонии природы и самой жизни» [16].

В ЕПВО важное место отводится студентам: они признаются партнерами в подготовке и проведения реформ и активными участниками образовательного процесса. Европейское объединение студентов подчеркивало важность равного доступа к высшему образованию, которое помогает им в личном и профессиональном становлении [17].

Участие Европейской Комиссии в качестве полноправного члена процесса наравне с национальными правительствами привело к включению целей Лиссабонской стратегии в повестку дня Болонского процесса, в частности, задачи строительства самой конкурентоспособной и привлекательной экономики.

Перед всеми вышеперечисленными организациями встала задача воссоздать единое интеллектуальное пространство, отвечающее на современные вызовы, сохраняя при этом такие фундаментальные принципы, как академическая свобода, автономия, открытость и толерантность. Перечисленные нормы и ценности, наряду с социальными и экономическими, закреплены в основных документах Болонского процесса.

Социальные нормы характеризуют отношения университета с обществом. Представление о высшем образовании как общественном благе и необходимости равного доступа к нему сложилось еще в Средневековье. Однако в то время академическое сообщество, преследуя высшие цели постижения истины, дистанцировалось от окружающего его общества. Великая французская революция и провозглашение основных прав и свобод человека установили, что университет должен служить обществу. Болонская декларация подтверждает, что высшее образование должно заложить основы для инклюзивного и устойчивого общества, и помимо образовательной функции, передавать молодым поколениям ценности, на которых основан Европейский союз – демократии и уважения прав человека. Взамен общество должно предоставлять вузам необходимое финансирование.

Внедрение экономических принципов началось в конце прошлого столетия, что было связано с массовизацией высшего образования и необходимостью повышения его конкурентоспособности и привлекательности на мировом рынке услуг. Создание единой системы степеней и гарантии их качества призвано было обеспечить сопоставимость квалификаций в Европе, сделать их более понятными для внешнего мира. Развитие связей с рынком труда облегчало поиск работы выпускниками, и было направлено на снижение уровня безработицы среди молодежи. Гибкие образовательные траектории и обучение в течение жизни отвечали потребностям экономики знаний, поскольку в условиях быстрого развития технологий и обновления информации позволяли быстро овладевать новыми навыками.

Тем не менее, в европейской трактовке рыночные принципы выступают инструментом усиления университета – его устойчивого и инновационного развития. Оптимизация внутренних систем управления вуза имела целью научить их самостоятельно находить источники финансирования, сократить издержки, и таким образом, сделать их более независимыми. Следует отметить, что в данном контексте предполагается большая автономия от национальных властей, однако средства защиты от рынка не предусмотрены. Это может привести к монополии рыночной парадигмы, которая вступает в противоречие с базовыми принципами – академической свободой, плюрализмом и разнообразием.

Подводя итоги, следует отметить, что современная реформа представляет собой попытку перекинуть мост между традициями и вызовами времени, приспособить и сохранить то лучшее, что было достигнуто за столетия эволюции высшей школы.

Компромиссный характер ЕПВО имеет и обратную сторону медали. Возможность различной трактовки порой противоречивых принципов и юридически необязывающий характер деклараций оставляет за национальными правительствами право определять, какие именно положения и в каком объеме будут воплощены, и, как следствие, находить обоснования для любого направления государственной политики.

Литература

1. Risto R., Koivula J. La place nouvelle de l'université et le choc des valeurs. L'université entrepreneuriale dans la société européenne du savoir : aperçu sur les publications // *Polit. Gest. l'enseignement supérieur*. 2005. Vol. 3, № 17. P. 99–132.
2. Болонская декларация, 19 июня 1999 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.msmsu.ru/userdata/manual/images/fac/ped_obr/Bolonskaja_deklaracija.pdf (дата обращения: 07.03.2017).
3. Croché S. Évolution d'un projet d'Europe sans Bruxelles Le cas du processus de Bologne // *Educ. sociétés*. 2009. Vol. 24, № 2. P. 11.
4. Ravinet P. From voluntary participation to monitored coordination: Why European countries feel increasingly bound by their commitment to the Bologna Process // *Eur. J. Educ.* 2008. Vol. 43, № 3. P. 353–367.
5. de Ridder-Symoens H. The University as European Cultural Heritage: A Historical Approach // *High. Educ. Eur.* Routledge, 2006. Vol. 31, № 4. P. 369–379.
6. Rüegg W. L'Europe des Universités: tradition, fonction de pont européen // *Le Patrimoine Des Universités Européennes* / ed. Sanz N., Bergan S. Council of Europe, 2002. P. 39–48.
7. Zonta C.A. Un aperçu de l'histoire des universités européennes // *Le Patrimoine Des Universités Européennes* / ed. Sanz N., Bergan S. Council of Europe, 2002. P. 25–38.
8. Grochowski C.Z. The European Cultural Heritage That Calls Out To Us // *High. Educ. Eur.* 2006. Vol. 31, № 4. P. 363–368.
9. Rüegg W. The Rise of Humanism // *A History of the University in Europe. Volume 1. Universities in the Middle Ages* / ed. De Ridder-Symoens H. Cambridge University Press, 2003. P. 442–468.
10. de Ridder-Symoens H. The intellectual heritage of ancient universities in Europe // *Le Patrimoine Des Universités Européennes* / ed. Sanz N., Bergan S. Council of Europe, 2006. P. 79–91.
11. Walton C.C. The Hague "Congress of Europe": A Case Study of Public Opinion // *West. Polit. Q.* 1959. Vol. 12, № 3. P. 738–752.
12. Schofer E., John W. Meyer. The Worldwide Expansion of Higher Education in the Twentieth Century // *Am. Sociol. Rev.* 2005. Vol. 70, № 6. P. 898–920.
13. Lévy-Garboua L. Les demandes de l'étudiant ou les contradictions de l'université de masse // *Rev. Française Sociol.* 1976. Vol. 17, № 1. P. 53–80.

14. Neave G. The Bologna Declaration: Some of the Historic Dilemmas Posed by the Reconstruction of the Community in Europe's Systems of Higher Education // *Educ. Policy*. 2003. Vol. 17, № 1. P. 141–164.

15. Życiński J.M. Axiological Horizons of the European Identity and Their Impact on the University // *High. Educ. Eur.* 2006. Vol. 31, № 4. P. 381–390.

16. Великая Хартия университетов. Болонья, 1988 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.magna-charta.org/resources/files/the-magna-charta/russian-1> (дата обращения: 25.02.2017).

17. Student Göteborg Declaration 2001 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://wissenschaft.bmwfw.gv.at/fileadmin/user_upload/Bologna_Grundsatzdok/Von_Bologna_bis_Prag/student_goteborg_declaration.pdf (дата обращения: 15.03.2017).

Науч. рук. – д. ист. наук, проф. Богатырева О. Н.

Leskina N. V. AXIOLOGICAL DIMENSION OF EUROPEAN HIGHER EDUCATION AREA: TRADITIONS AND NOVELTIES. The article analyses values and principles of a complex programme of universities modernization, called Bologna process, which resulted in the creation of European Higher Education Area in 2010. In order to understand current developments and debates it traces the evolution of university values since its inception in Medieval Europe. The norms are grouped into three categories: fundamental, social and economic ones. Fundamental principles such as academic freedom and autonomy are intrinsic to the university from its very beginning. While idea of knowledge as a public good also dates back to the Middle Ages, only in Modern times it developed into the fair access to higher education, which was linked with the French revolution and its concepts of human rights and social equity. Marketisation reform as a response to the massification of higher education and decline of welfare state is the most recent trend. Bologna process is approached as a reflection on the past, present and future of the European university to conserve its best achievements and adapt it to the current challenges. Thus, European Higher Education Area incorporates all three generations of values and seeks to balance them.

Keywords: norms, values, European Higher Education Area, Bologna Process

Е.И. СЕЛЬДЕНРАЙХ

БОЛОНСКАЯ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОТНОШЕНИЙ КАЗАХСТАНА И ЕС

Академическая мобильность студентов, преподавателей и сотрудников является одним из основных принципов Болонской декларации и одним из стратегических направлений деятельности современного высшего учебного заведения. Она призвана способствовать улучшению качества высшего образования, повышению эффективности научных исследований, установлению внешних и внутренних интеграционных связей, использованию мировых образовательных ресурсов. В работе анализируется проблема образования Казахстана через призму внедрения Болонских стандартов. Проблема академической мобильности между ВУЗами стран ЕС и Казахстана.

Ключевые слова: Болонская система образования, высшее образование, академическая мобильность, проблема внедрения, проблема внедрения.

Образование во всех развитых странах мирового сообщества является основным приоритетным направлением и показателем их развития. Высшее образование является одной из значимых целей в жизни любого человека, особенно в условиях жесткой конкуренции на рынке рабочих мест. В Республике Казахстан (РК), к примеру: в 2015 году 35% (более одной трети) взрослого населения имеют высшее образование, а 17% — два высших профессиональных образования.

В 2010 году Республика Казахстан официально присоединился к «Болонской декларации» и стала полноправным членом Европейской зоны высшего образования. Помимо этого, 60 казахстанских вузов (частных и государственных) подписали «Великую Хартию Университетов» и, таким образом, был осуществлен переход на трехуровневую модель подготовки специалистов: бакалавр — магистр — доктор Ph.D, основанную на принципах Болонской декларации (известна также, как Великая Хартия Университетов, 19 июня 1999 г.) [1]

Одной из форм международного сотрудничества является обучение наших граждан в зарубежных вузах. Граждане Казахстана обучаются в 35 странах мира, и география сотрудничества с каждым годом расширяется. Основные направления обучения граждан Казахстана за рубежом:

- международные образовательные обмены;
- стипендии Правительств иностранных государств и международных организаций;
- в частном порядке;
- по международной стипендии Президента РК «Болашак».

Огромный вклад в развитие академической мобильности обучающихся стала реализация международной стипендии Президента Республики Казахстан «Болашак», дающая возможность одаренным молодым

казахстанцам получить образование в лучших университетах мира. За рубежом обучаются более 20 тыс. казахстанцев, около 3000 стипендиатов международной стипендии Президента Республики Казахстан «Болашак» обучаются в 27 странах мира.

Исходя из рекомендаций Болонской декларации, каждому студенту желательно проводить семестр в некотором другом вузе, предпочтительно зарубежном. Ценность такого рода контактов и обменов трудно переоценить, особенно в условиях малой доступности современной литературной базы, ограниченности и устарелости лабораторной базы, как это имеет место в большинстве учебных заведениях Казахстана [3].

Академическая мобильность учащихся казахстанских вузов зачастую осуществляется в форме включенного обучения, учебной практики, участия в летних школах, конференциях и семинарах, а также в рамках совместных международных образовательных программ, развитие которых становится заметным явлением в системе отечественного высшего образования.

Большая часть сотрудничества занимают страны Европы и США. С 2001 г. в Алматы функционирует Казахстанско-Британский технический университет, партнерами которого являются четыре ведущих университета Великобритании в нефтегазовой сфере: Абердинский, Роберта Гордона, Хериот-Уотт и Вестминстерский. В «Назарбаев Университете» при поддержке «UniversityCollegeLondon» реализуется программа по подготовке к университетскому образованию, а также проект по созданию Школы инженерии. Британские ВУЗы занимают лидирующее место по обучению стипендиатов программы «Болашак» (выпускниками являются более 2 тыс. стипендиатов). Всего по данным МОН РК в Великобритании обучаются около 4 тыс. студентов.

Также, успешным примером сотрудничества является совместная работа по развитию Казахстанско-Немецкого Университета (КНУ) в Алматы. В Казахстане также открыты представительства Института им. Гете и Немецкой службы академических обменов DAAD. В связи с ростом числа казахстанских студентов, обучающихся в Германии, было открыто представительство Центра международных программ «Болашак» в ФРГ. Еще одно европейская страна - Словакия ежегодно в рамках правительственной программы официальной помощи развитию выделяет несколько государственных стипендий казахстанским студентам для обучения в вузах своей страны. Последние несколько лет казахстанские ВУЗы активно сотрудничают с международными организациями и их представительствами в Казахстане. В частности, программой стран Европейского союза Erasmus+, Германской службой академических обменов (DAAD), Партнерской программой Британского Совета Ньютон Аль-Фараби.

США, активный участник международных проектов для Казахстана в области образования. В данном направлении важная роль отводится АО «Назарбаев Университет», установившему отношения с рядом американских вузов, включая Карнеги-Меллон, Университет Дюка, Питтсбургский и Гарвардский университеты. США являются одной из лидирующих стран по количеству обучающихся стипендиатов программы «Болашак». Казахстан не только отправляет учиться студентов за рубеж, но и активно приглашает на обучение к себе [4].

В последнее время наибольшее предпочтение в сотрудничестве по академической мобильности в сфере образования и науки, отдается вузам Чехии, Польши, Китая, Южной Кореи, Австрии, Венгрии.

Также, на территории Казахстана функционируют 8 иностранных ВУЗов такие, как: Казахстанско-Американский свободный университет (Усть-Каменогорск), Казахстанско-Британский технический университет (Алматы), Казахстанско-Немецкий университет (Алматы), Университет имени Сулеймана Демиреля (Казахстан-Турция), два Казахстанско-Российских медицинских университета (Астана-Алматы), Казахско-Китайский университет (Кызылорда), Казахско-египетский исламский университет «Нур» (Алматы).

Несмотря на все положительные показатели, степень внедрения Болонской системы в казахстанскую, имеет низкий уровень, так как существует множество проблем. Они не связаны с неадекватным осуществлением действий внутри сетей, а скорее исходят из невозможности сопоставления различных национальных структур высшего образования. К ключевым проблемам осуществления совместных образовательных программ относятся:

- вопросы качества подготовки,
- финансовые проблемы осуществления мобильности,
- вопросы признания совместных дипломов и изменения национального законодательства.

Одной из наиболее сложных задач при создании и реализации совместных образовательных программ является - обеспечение качества. Создание качественной программы, с одной стороны, требует от казахстанских партнеров:

- 1) знания зарубежных систем обеспечения качества и опыта работы в них,
- 2) готовности адаптировать к требованиям партнеров свою практику и процедуры,
- 3) достаточного количества казахстанских преподавателей, владеющих английским или иным иностранным языком на уровне, обеспечивающем высокое качество преподавания,
- 4) наличие информационных и методических ресурсов на иностранном языке,
- 5) достаточно высокого уровня языковой компетентности студентов,
- 6) наличия финансовых ресурсов и готовности руководства вуза инвестировать их в развитие совместной программы и ее преподавателей. С другой стороны, повышение качества программ, академического уровня преподавательского состава, конкурентоспособности вуза и выпускников является для казахстанских партнеров одним из важных стимулов сотрудничества с зарубежными вузами [2. С. 151-153].

Вторым важным вопросом для распространения совместных образовательных программ является необходимость расширения базы их финансирования. Такие программы являются более затратными по сравнению

с обычными, что обусловлено, в первую очередь, необходимостью финансирования международной мобильности и механизмов управления программами. Распространена практика, когда эти более высокие затраты покрываются самими участниками программы или даже студентами. Первый способ может снижать заинтересованность университетов в таких программах. Второй — приводит к усугублению неравенства среди студентов, которым такие программы будут доступны в различной степени.

Третьей серьезной проблемой казахстанского образования на мировом рынке является непризнание дипломов большинства казахстанских вузов на международном уровне. Вступление Казахстана в Болонский процесс явилось, конечно, знаменательным шагом в сторону соотнесения казахстанских стандартов с общеевропейскими. Республика Казахстан подписала ряд международных конвенций о признании. Но всё это — рамочные соглашения, есть масса механизмов, тормозящих реальный процесс. Зарубежные страны — покупатели образовательных услуг — не всегда прислушиваются к конвенциям. Многие зарубежные университеты не признают казахстанский аттестат зрелости как документ о полном среднем образовании, а западные работодатели смотрят на казахстанские дипломы с еще большим скептицизмом.

Новое время выдвигает инновационные требования к образованию. Очевидно, что академическая мобильность является неотъемлемой чертой современного высшего образования и имеет тенденцию к возрастанию. Расширение масштабов академической мобильности в вузах ведет к изменению качества самого вуза, что в свою очередь требует от всех сотрудников готовности к решению задач с учетом международного уровня вуза. Поэтому возникает необходимость в изучении всех сторон этого процесса с целью его дальнейшего использования казахстанской высшей школой для совершенствования отечественной системы образования и интересов Казахстана в целом.

Проведенные исследования позволяют сделать вывод, что имплементация Болонского процесса в образовательную среду Казахстана революционным образом повлияла на ее содержание, структуру, технологии обучения и ресурсное обеспечение и вызвала, в основном, положительное отношение к происходящим переменам. Коррекция таких процессов, как автономия исследовательских университетов, получение двойного диплома, академическая мобильность требует времени на адаптацию, что естественно для государства, которое только в 2010 году официально присоединилось к европейским стандартам образования.

Академической мобильности студентов и преподавателей как основного принципа реализации Болонского процесса придается очень большее значение. Основная цель академической мобильности для студентов — предоставление возможности для получения разностороннего образования по выбранному направлению подготовки, обеспечение доступа к учебным заведениям и соответствующим образовательным услугам. Профессиональная мобильность для преподавателей — признание и подтверждение в трудовой деятельности периодов, проведенных в целях повышения квалификации, преподавания и научных исследований.

О важности таких принципов Болонского процесса как развитие дистанционных технологий обучения и информатизация образования, возрастание престижности европейского высшего образования и поддержание его конкурентоспособности отмечают 52% студентов.

Основные аргументы студентов-«критиков» (21%) интеграции Казахстана в европейское образовательное пространство выражается в предположении о снижении доступности высшего образования.

В целом преобладает высокая оценка готовности вузов к реализации принципов Болонского процесса среди студентов.

Литература и источники

1. Туркенов Т.К., Коростелева Н.А., Хомутова А.К. Плюсы и минусы частного образования в Республике Казахстан // Молодой ученый. 2015. № 24. С. 1034-1037.
2. Арсеньев Д.Г., Алексанков А.М., Кораблев В.В., Антонов С.С. и др. Организация международной деятельности вуза: Учебное пособие. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008. 165 с.
3. Academic Mobility in a Changing World: regional and global trends edited by Peggy Blumenthal, Crauford Gondwin, Alan Smith and Ulrich Teicher / Jessika Kingsley Publisher. London and Bristol, Pennsylvania. 1998. P. 365.
4. Болонский процесс 2020 - Европейское пространство высшего образования в новом десятилетии: коммюнике Конференции европейских министров, ответственных за высшее образование, Ленева / Лувен-ла-Нева, 28–29 апреля 2009 года // Высшее образование в России. 2009. № 7.
5. Стратегия академической мобильности в Республике Казахстан на 2012–2020 годы.

Науч. рук. – канд. ист. наук, С.Н. Мирошников

Seldenreich E. I. Bologna education system through a prism of Kazakhstan and EU relationship. The academic mobility of students, teachers and employees is one of the basic principles of the Bologna declaration and one of strategic activities of a modern higher educational institution. It is designed to promote improvement of quality of the higher education, increase in efficiency of scientific research, establishment of external and internal integration relations, use of world educational resources. In work the problem of formation of Kazakhstan through a prism of introduction of the

Bologna standards is analyzed. A problem of the academic mobility between Higher education institutions of EU countries and Kazakhstan.

Keywords: Bologna education system, the higher education, academic mobility, introduction problem.

С.Г. СУСЛОВА

ЕВРОПЕЙСКАЯ ПРОГРАММА МОБИЛЬНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВА СО СТРАНАМИ АФРИКИ В ОБЛАСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Рассматривается новая программа Европейского союза в сфере развития сотрудничества с третьими странами в области образования Intra-Africa (Intra-Africa Academic Mobility), направленная на организацию и развитие процессов академической мобильности внутри африканских стран. Особое внимание уделяется анализу целей данной программы, условиям участия и результатам проведения данной программы в 2016 году.

Ключевые слова: Intra-Africa, академическая мобильность, Европейский союз.

На сегодняшний день Европейский союз располагает целым рядом образовательных программ, направленных на повышение академической мобильности, а также профессиональной подготовки студентов и сотрудников высших учебных заведений не только из стран-членов ЕС и стран-кандидатов на вступление в ЕС, но и из третьих стран [1. С. 177]. Одним из новых направлений образовательной деятельности ЕС в отношении третьих стран является программа Intra-Africa (Intra-Africa Academic Mobility), начавшая свою работу в середине 2016 года [2].

Академическая мобильность в рамках внутриафриканской программы поддерживает сотрудничество в области высшего образования между странами Африки. Эта программа направлена на содействие устойчивому развитию и, в конечном счете, способствует сокращению масштабов нищеты за счет увеличения числа высококвалифицированных специалистов в Африке [3].

Целью программы Intra-Africa на сегодняшний день является улучшение квалификации и навыков студентов и сотрудников за счет повышения академической мобильности между африканскими странами [2]. Путем укрепления сотрудничества между высшими учебными заведениями на территории Африки, качественное высшее образование становится доступным, африканские студенты получают реальную возможность поступать в аспирантуру на африканском континенте. Помимо этого, усиливается мобильность административного персонала африканских стран, что, в свою очередь, приводит к повышению потенциального сотрудничества высших учебных заведений в Африке.

Академическая программа мобильности Intra-Africa заинтересована в повышении качества международного образования на территории Африки за счет усиления международного сотрудничества африканских учебных заведений с учебными заведениями ЕС и согласования с последними своих образовательных программ и учебных планов [2]. Сами африканские учебные учреждения после участия в данной программе смогут предоставить возможность студентам, научным сотрудникам и административному персоналу использовать полученный посредством академической мобильности опыт на практике. В свою очередь студенты, научные сотрудники и административный персонал, участвующие в данной программе, наряду с улучшением своих языковых, культурных и профессиональных навыков и получением необходимого опыта, смогут поделиться знаниями и навыками, полученными в другой африканской стране [2].

Программа академической мобильности Intra-Africa была запущена в качестве инструмента для взаимного сотрудничества и развития в области образования в рамках Панафриканской программы. Intra-Africa разработана на основе опыта проведения программ академической мобильности внутри стран АКТ.

Управлением данной программы занимается Исполнительное агентство по образованию, аудиовизуальным средствам и культуре (EACEA - Audiovisual and Culture Executive Agency) совместно с Комиссией Африканского союза (AUC - African Union Commission) под руководством Генерального директората по вопросам международного сотрудничества и развития (Directorate-General for International Cooperation and Development) Европейской комиссии [2].

Впервые данная программа была осуществлена в середине 2016 года. Прием заявок от учебных заведений Африки был завершен 15.06.2016 года [4]. Заявку на участие в данной программе могли подавать только высшие учебные заведения, имеющие аккредитованные курсы и программы по направлениям магистерской и аспирантской подготовки, а также курсы повышения квалификации. Для участия в данной программе высшие учебные заведения Африки должны были объединиться в некое партнерство, состоящее из 4-6 африканских высших учебных заведений и технического партнера – высшего учебного заведения ЕС [5].

Техническим партнером со стороны ЕС в данной программе имело право выступать высшее учебное заведение из стран-членов ЕС, удовлетворяющее Уставу высшего образования Эразмус (Erasmus Charter for Higher Education) [5].

Сам проект включал в себя организацию и реализацию мастер-классов, магистерских и докторских программ для студентов, научных сотрудников и административного персонала. Помимо этого высшие учебные заведения должны были предоставить места для обучения, исследовательской деятельности и других образовательных услуг студентам, научным сотрудникам и административному персоналу из других высших учебных учреждений, охваченных данным проектом и находящихся на территории Африки.

Продолжительность данного проекта в зависимости от планируемой деятельности могла составлять от 54 до 60 месяцев.

Все поступающие заявки на участие в данной программе от африканских вузов рассматривались согласно трех ниже представленных критериев (Таблица 1) [5].

Таблица 1.

Критерий	Баллы (%)
1. Актуальность (Relevance)	20%
2. Качество (Quality)	70%
2.1. Научное качество (Academic quality)	15%
2.2. Состав партнерства и механизмы сотрудничества (Partnership composition and cooperation mechanisms)	15%
2.3. Организация и осуществление мобильности (Organisation and implementation of the mobility)	20%
2.4. Возможности для студентов и персонала (Students'/staff facilities and follow-up)	10%
2.5. Гендерный баланс (Gender balance)	10%
3. Устойчивость (Sustainability)	10%
ИТОГО:	100%

Общая ориентировочная сумма, предоставленная в 2016 году в рамках данной программы, составила 9 900 000 евро и была рассчитана на около 350 потоков мобильности.

Каждый грант для высших учебных заведений Африки составлял от 1 000 000 евро (минимальный размер гранта) до 1 500 000 евро (максимальный размер гранта) [5].

Финансовая помощь ЕС представляла собой единовременную сумму для организации программ мобильности и покрытия затрат для реализации этих программ.

Заявки на участие в этой программе принимались в виде заполненных электронных форм и считались официальными при соблюдении всех необходимых требований.

По итогам приема заявок в 2016 году претендентами на получение гранта программы Intra-Africa стали 38 африканских высших учебных учреждений:

- Центральная Африка – Камерун (1);
- Восточная Африка – Кения (7), Руанда (1), Танзания (2), Уганда (5);
- Северная Африка – Алжир (1), Египет (2), Марокко (3);
- Южная Африка – Ангола (1), Намибия (1), ЮАР (4); Зимбабве (1);
- Западная Африка – Бенин (3), Гамбия (1), Гана (2), Кот-д'Ивуар (1) [6].

Гранты на организацию и реализацию программ академической мобильности после рассмотрения заявок получили 7 высших учебных учреждений. Средний размер одного гранта составил около 1 400 000 евро [7].

- Центральная Африка – Камерун (1);
- Восточная Африка – Кения (2);
- Северная Африка – Марокко (2);
- Южная Африка – ЮАР (1);
- Западная Африка – Бенин (1) [8].

На сегодняшний день открыта регистрация участников и прием заявок на участие в программе Intra-Africa в 2017 году. Заявки от высших учебных учреждений Африки принимаются до 02.05.2017 [9]. Вся необходимая информация для подачи заявки на участие в данной программе, образцы отчетных документов, логотипы и формы размещены на сайте Европейской Комиссии и находятся в свободном доступе для всех желающих принять участие в программе.

Совместно с приемом заявок на территории африканских стран и ЕС проводятся информационные встречи и форумы, знакомящие высшие учебные заведения Африки с программой Intra-Africa. Последними из подобных встреч стали информационные форумы в Габоне (13.03.2017) и Гане (17.03.2017) [10].

Программа академической мобильности Intra-Africa является достаточно новым проектом Европейского союза в сфере развития сотрудничества с третьими странами в области образования и рассчитана на африканские страны, заинтересованные в развитии программ академической мобильности внутри своего континента. Пока трудно сделать однозначные выводы об успешности данной программы, хотя число стран-участниц,

отреагировавших на первый этап данной программы (16 стран), показывает не безразличное отношение африканских высших учебных заведений к возможности налаживания конструктивных отношений с другими африканскими учебными заведениями, привлечения дополнительных студентов и получения дополнительного финансирования.

Литература

1. Ломакина И.С. Программы ЕС в сфере образования и профессиональной подготовки как способ реализации европейской образовательной политики // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. №2 (30). С. 173–178.
2. Intra-Afrika. Vörderung der wissenschaftlichen Mobilität in Afrika [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://eacea.ec.europa.eu/intra-africa_de, свободный (дата обращения: 26.03.2017).
3. Intra-Afrika. Aktionen [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://eacea.ec.europa.eu/intra-africa/aktionen_de, свободный (дата обращения: 26.03.2017).
4. Intra-Afrika. Förderung [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://eacea.ec.europa.eu/intra-africa/forderung_de, свободный (дата обращения: 26.03.2017).
5. Europäische Kommission. Aufforderung zur Einreichung von Vorschlägen. EACEA/07/2016 Wissenschaftliches Mobilitätsprogramm Intra-Afrika (2016/C 92/05) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/PDF/?uri=CELEX:C2016/092/05&from=EN>, свободный (дата обращения: 26.03.2017).
6. Main statistics on the participation of African regions/countries in received applications. Intra-Africa Academic Mobility Scheme - Call for proposals EACEA/07/16 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://eacea.ec.europa.eu/sites/eacea-site/files/annex_iii_statistics_on_received_applications_per_country_region.pdf, свободный (дата обращения: 26.03.2017).
7. List of selected projects. Intra-Africa Academic Mobility Scheme - Call for proposals EACEA/07/2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://eacea.ec.europa.eu/sites/eacea-site/files/annex_i_list_of_selected_projects.pdf, свободный (дата обращения: 26.03.2017).
8. Statistics on the participation of African regions/countries in the selected projects. Intra-Africa Academic Mobility Scheme - Call for proposals EACEA/07/16 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://eacea.ec.europa.eu/sites/eacea-site/files/annex_iv_statistics_on_selected_projects_per_country_region.pdf, свободный (дата обращения: 26.03.2017).
9. Intra-Africa. Academic Mobility Scheme 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://eacea.ec.europa.eu/intra-africa/funding/intra-africa-academic-mobility-scheme-2017_en, свободный (дата обращения: 26.03.2017).
10. Intra-Africa. Events [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://eacea.ec.europa.eu/intra-africa/events_en, свободный (дата обращения: 26.03.2017).

Науч. рук. – канд. ист. наук, С.Н. Мирошников

Suslova S.G. EUROPEAN PROGRAM FOR MOBILITY AND COOPERATION WITH AFRICAN COUNTRIES IN THE FIELD OF HIGHER EDUCATION. The article is devoted to a new program of the European Union for development of cooperation with third countries in the field of education. The educational program Intra-Africa (Intra-Africa Academic Mobility) is aimed at organizing and developing processes of academic mobility inside African countries. Academic mobility within the framework of the Intra-Africa program supports cooperation in higher education and aims to promotion of sustainable development in Africa. The goal of the program is a contribution to poverty reduction by increasing the number of highly qualified professionals in Africa. Particular attention is paid to an analysis of the objectives, the terms of participation, and the results of this program in 2016.

Keywords: Intra-Africa, academic mobility, the European Union.

А.Р. ТЕРЕШКИНА

РАБОТА С МОЛОДЕЖЬЮ В НИДЕРЛАНДАХ

Исследуется работа с молодежью в Нидерландах. Объясняется структура и организация данной работы, раскрываются её виды и формы. Анализируются основные различия между официальными и неофициальными организациями, работающими с молодежью. Также в данной статье исследуются институциональная и законодательная базы, регулирующие взаимодействие с молодежью в Нидерландах.

Ключевые слова: работа с молодежью, неофициальные, профессиональные организации

По словам голландского автора Ганца ванн Эвиджка «работа с молодежью [в Нидерландах] – это сфера, где отсутствует четкая структура, но есть бесконечное множество категорий данной работы» [1. Р. 3]. И действительно, в Нидерландах, несмотря на высокоразвитую социальную систему, есть один аспект, который остаётся в тени политики [2. Р. 1]. Речь идёт о сфере работы с молодежью.

Самое определение «молодежи» правительство Голландии не даёт, однако принято считать, что в эту категорию входят дети и молодые люди от рождения до 23 лет [3. Р. 4]. Основным объектом работы с молодежью являются группы детей и подростков, находящихся в зоне риска. Как правило, к такой молодежи относят детей из семей мигрантов или в связи с трудным финансовым положением. Основной работой с такими детьми занимаются профессиональные (официальные) организации по работе с молодежью. Такие учреждения проводят превентивную политику и взаимодействуют с самыми уязвимыми группами молодого населения страны, в Нидерландах они составляют 10% от всей молодежи. Можно выделить три главные цели таких учреждений: организация досуга молодежи, неформальное обучение и поддержка. Для реализации этих целей всю работу профессиональных молодежных организаций принято разделять на следующие виды: индивидуальные консультации, групповая работа и вовлечение в жизнь общества. Работают с такими группами детей профессионалы из различных благотворительных, некоммерческих организаций совместно с волонтерами.

Неофициальные, волонтерские организации занимаются с молодежью, не дающей поводов для беспокойства и составляющей 85% от общего числа [4. Р. 6]. Эти молодые люди хорошо ладят с родителями, занимаются своим образованием, и в целом, счастливы и здоровы. Сами волонтеры не являются социальными работниками, в связи с этим они работают под присмотром профессионалов регионального уровня. Примерами таких волонтерских групп служат различные скаутские, религиозные и политические молодежные организации, а также организации, созданные молодыми людьми из семей мигрантов и этнических меньшинств [4. Р. 8].

Одной из особенностей страны является то, что Нидерланды не имеют национальной политики по работе с молодежью, находящейся в зоне риска, в отличие от многих других стран Европейского Союза [3. Р. 198], напротив, правительство решило децентрализовать данную сферу и передать её в ведение местных органов с конца 80-х годов прошлого века. Однако официально она была закреплена в июле 2011, когда Ассоциация Муниципалитетов Нидерландов совместно с Межпровинциальной Консультативной организацией достигли соглашения об окончательной децентрализации работы с молодежью. Его целью было облегчить работу местных и провинциальных властей, а также расширить их полномочия в области молодежной политике. Другой причиной децентрализации была убежденность правительства в том, что местным властям более понятны нужды их населения, в связи с этим они более эффективно смогут решать проблемы молодежи в своих провинциях и муниципалитетах [6. Р. 5].

Помимо этих организаций, в Нидерландах существует отдел по делам молодежи, чье основное отличие от предыдущих групп заключается в том, что он специализируется на молодых людях, которые уже сталкиваются с серьезными социальными проблемами и страдают от психических расстройств [6. Р. 8].

Что касается законодательной базы, то основным законом регулирующим всю молодежную политику является закон о Социальной поддержке от 2007 года [4. Р. 5]. Он поощряет активную гражданскую позицию и вовлечение молодежи в жизнь общества. Министерство по Здравоохранению, благосостоянию и спорту является ответственным за стимулирование молодежной политики на национальном уровне. Также существуют отдельные комитеты в Министерствах Безопасности и правосудия, Культуры, Образования и Науки и в других.

Процесс трансформации был запущен относительно недавно, однако уже сейчас ощутимы первые результаты. Политика стала более транспарентной, понятной и узконаправленной. Однако существуют и проблемы, связанные с недопониманием и разобщенностью служащих социальной поддержки с теми, кто работает исключительно с молодежью. Более того, всё ещё отсутствует теоретическая и законодательная базы, четко регламентирующие работу в данной сфере [7. Р. 4].

Литература

1. Hans van Ewijk. The history of youth work in Europe and its relevance for youth policy today. Vol. 2 (pp. 69-82). Strasbourg: Council of Europe Publishing. p. 71.
2. Youth Policy in the Netherlands: An overview. Netherlands Youth Institute, 2007.
3. Youth work report, European Commission, 2014.
4. Working with young people: the value of youth work in the European Union. Country Report: Netherlands. European Commission, 2014.
5. Being young in Netherlands. Niderlands Jeugd Instituut, 2012.
6. Bosscher Decentralization of Social Policy in the Netherlands, 2014.
7. Working with young people: the value of youth work in the European Union. Country Report: Netherlands. European Commission, 2014.
8. Evelyne Baillergeau et Marc Hoijsink, « Youth work and “youth at risk” in the Netherlands », Sociétés et jeunesse en difficulté [En ligne], hors série | 2010, mis en ligne le 25 mars 2010, consulté le 29 mars 2017. URL : <http://sejed.revues.org/6647>

Tereshkina A. R. YOUTH WORK IN NETHERLANDS. The youth work in Netherlands is analyzed in this article. The main forms of youth work that are voluntary and professional youth organizations are examined. In addition, the institutional and legal bases of youth policy are explained.

Keywords: youth work, youth organizations, professional youth work

А.К. ТУНГАТАРОВА

ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ С ЦЕЛЬЮ ПРИНУЖДЕНИЯ К РАБСКОМУ ТРУДУ

Целью данного исследования является проблема торговли людьми, которая превратилась в одну из сфер транснациональной организованной преступности. В работе дается определение термина «торговля людьми», выработанное ООН, который охватывает такие действия как вербовка, перевозка, укрывательство или удержание людей путем многообразных форм принуждения. К торговле людьми причисляют сексуальную эксплуатацию, извлечение органов, а также принудительный труд. Жертвами принудительного труда становятся различные группы людей независимо от пола, а порой и возраста. Увеличение числа жертв принудительного труда является одной из актуальных проблем современности, требующая неотложного решения.

Ключевые слова: торговля людьми, принудительный труд, преступность

Сегодня проблема торговли людьми является одной из главных социальных и правовых проблем, которая затрагивает почти все регионы мира. С 2010 по 2012 год жертвы торговли людьми были выявлены в 124 странах, и среди них были выходцы из 152 государств [1. С. 1]. Жертвами торговли людьми становятся самые различные люди: женщины и мужчины, дети и взрослые из всех слоев общества.

Выявлено, что большинство жертв торговли людьми подвергается сексуальной эксплуатации, но все большее распространение получает такая форма эксплуатации, как принудительный труд. В последние годы стабильно растут масштабы торговли людьми для трудовой эксплуатации в сфере промышленного производства, услуг по уборке помещений, строительства, общественного питания, домашнего обслуживания и легкой промышленности. По информации Управления ООН по наркотикам и преступности - (УНД ООН), основанном на национальных данных, трудовой эксплуатации в 2007 г. подвергалось около 32 % жертв торговли людьми. В 2010 - 2012 гг. число выявленных жертв принудительного труда возросло уже до 40 процентов [1. С. 4-5]

Попытка урегулировать проблему торговли людьми впервые была предпринята в международных договорах начала XX века. С конца 1940-х г. эта проблема находит отражение в протоколах Организации Объединенных Наций. В протоколе от 15 ноября 2000 года о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющем Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности дается определение термина торговля людьми. В 3 статье Конвенции содержится следующее определение «торговли людьми» - это осуществляемые в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения. Документ устанавливает, что эксплуатация включает принуждение к проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов. В Конвенции особо подчеркивается, что согласие жертвы торговли людьми на запланированную эксплуатацию не принимается во внимание, если было использовано любое из средств принудительного воздействия [2].

Тема принудительного труда находится в центре внимания Международной организации труда. Согласно Конвенции МОТ № 29 о принудительном или обязательном труде 1930 г. пункт 1 ст. 2 гласит: «принудительный или обязательный труд означает любую работу или услугу, выполняемую любым лицом под угрозой любого наказания, и для выполнения которой означенное лицо не предложило себя добровольно».

В 2005 г. МОТ в своем докладе «Торговля людьми и эксплуатация принудительного труда: руководство для законодательных и правоохранительных органов» определяет пять основных элементов, которые могут свидетельствовать о факте использования принудительного труда:

- физическое или сексуальное насилие (или угроза им); это также может включать психологические пытки, как, например, шантаж, осуждение, использование оскорбительной лексики и т. д.;
- ограничение свободы передвижения и/или заточение на рабочем месте или в ограниченной зоне;
- долговая кабала/кабальный труд; удержание заработной платы или отказ в ее выплате;
- Вычеты из заработной платы или полный отказ платить работнику
- удержание паспорта и документов, удостоверяющих личность, для того чтобы работник не мог уехать или подтвердить свою личность и статус;
- угроза выдать властям. [3. С. 17]

В современности принудительный труд часто называют «новым рабством». Но между рабством и принудительным трудом существуют ключевое различие в традиционном смысле концепции собственности.

Традиционное рабство предполагает, что раб является собственностью хозяина. В отличие от этого, в принудительном труде свобода человека ограничивается незаконно, человека вынуждают трудиться, используя принуждение и отказ в предоставлении свободы. Таким образом, рабство является формой принудительного труда, но не единственной. Существует много видов принудительного труда [4. С. 5]. Одна из самых главных проблем - это выявление того, что жертва принудительного труда является ещё и жертвой торговли людьми. По данным МОТ, результатом торговли людьми является около 20 процентов всего принудительного труда [4. С. 8].

Установить точное количество жертв торговли людьми (в том числе и жертв принудительного труда) не предоставляется возможным в силу того фактора, что большинство перемещений являются нерегулярными и не поддаются контролю властей, поскольку совершаются криминальными элементами нелегальными способами. Поэтому большинство статистических данных являются крайне приближительными.

В 2005 г. (МОТ) опубликовала Специальную программу действий по борьбе с принудительным трудом. Согласно этому документу, число жертв принудительного труда в мире оценивалось в 2, 45 млн. человек [4. С. 8].

В зависимости от регионального положения (в расчеты берется количество выявленных жертв на территории государства, где произошло преступление, а не на территориях, откуда были ввезены жертвы), процент жертв подвергшихся принудительному труду от общего количества жертв торговли людьми колеблется в пределах от 26 процентов в Европе до 64 процентов в странах Восточной Азии, Южной Азии и Тихоокеанского региона. В Америке принудительный труд и сексуальная эксплуатация выявляются в равной степени. 48 и 47 процентов [1. С. 6]. Так же в зависимости от региона разнятся показатели соотношения жертв принудительного труда по половому признаку. В Западных странах, жертвами принудительного труда являются в основном мужчины. Около 70 процентов. В странах же Азии, Африки и Ближнего Востока преобладает число жертв женского пола, показывая колебания от 55 до 77 % [1. С.8].

К сожалению, торговля людьми в целях эксплуатации рабского труда является наиболее распространенной формой торговли людьми и в России. Она является страной приема, вывоза и транзита в международном криминальном бизнесе по торговле людьми с целью использования рабского труда. Основной группой риска являются нелегальные мигранты, выполняющие, как правило, неквалифицированные работы. Их численность достигает 3-5 миллиона человек. В их число входят мужчины и женщины в основном молодого и среднего возраста с невысоким уровнем образования. Примерно 2/3 из них - это мигранты из стран СНГ, въехавшие в безвизовом порядке и нелегально работающие в России. Большинство мигрантов заняты в строительстве и ремонтных работах, на транспорте, в торговле, на сезонных работах в сельском хозяйстве, лесозаготовках, и в ряде других отраслей [5. С. 37-40].

Одним из главных факторов, благодаря которому рост торговли людьми в последние годы стал возможен, является глобализация. Технический прогресс облегчил распространение информации, координации действий, и перемещения на большие расстояния стали легче и доступней. Так же благодаря глобализации были уменьшены барьеры международной торговли и передвижения капиталов.

В учебном пособии Международного бюро труда (МБТ) о торговле людьми с целью принудительного труда были названы такие факторы, способствующие торговле людьми:

Для предлагающей стороны возникли более благоприятные условия для торговли людьми из-за слабого аппарата управления во многих развивающихся государствах, отсутствия контроля со стороны коррумпированных чиновников, неразвитости юридической и судебной системы в них. Питательную почву для торговли людьми создают полная и частичная безработица, а также низкая оплата труда, бедность и долги множества людей во многих регионах мира. Сюда же следует отнести неграмотность и низкий уровень образования значительных групп населения, гендерную дискриминацию при приеме на работу, доступе к образованию и информации. Свой вклад в расширение сети международных криминальных сетей по торговле людьми вносят неэффективность или отсутствие легальных каналов миграции, отсутствие информации о существующих способах получения работы за рубежом, незнание всех рисков, сопряженных с миграцией в поисках работы. В результате этот преступный бизнес не без успеха развивается благодаря низкой степени риска и высоких прибылей в торговле торговле людьми.

Спрос на принудительный труд растет благодаря тенденции, доминирующей в рыночной экономике, на понижение заработной платы, отказа населения развитых индустриальных стран от выполнения работ, связанных с физическим, рутинным, опасным трудом. В этом же направлении действует рост потребительского спроса на дешевые и быстро производимые товары и предоставляемые услуги, а также рост индустрии секса и развлечений и связанный с нею спрос на сексуальные услуги. Аналогичным образом, как и в случае с предложением, спрос форсирует отсутствие эффективной системы государственного контроля над этой криминальной деятельностью, коррупция среди сотрудников иммиграционных и таможенных служб, пробелы в правоприменении даже существующего законодательства, пренебрежение правами человека и/или нарушение их. прав человека. Интенсивному применению принудительного труда содействует низкая степень риска и высокие прибыли торговли людьми. Действует также фактор недостаточности знаний о феномене торговли людьми среди широких кругов населения [4. С.10-11].

Как уже отмечалось, низкая степень риска и высокие прибыли, получаемые от торговли людьми, является эффективным фактором деятельности и стороны предложения, и спроса. Численность людей осужденных за торговлю людьми не велика, а прибыль от данного вида преступности огромна и практически сопоставима с прибылью от торговли оружием и наркотиками. По данным документов ООН, прибыль от продажи людей оцениваются в 5 - 7 млрд. долларов в год. Представители Интерпола заявляют, что ежегодный доход от торговли людьми составляет 6-8 млрд. долларов в мире. Российский исследователь Карпович О.Г. указывает, что независимые эксперты называют сумму в 19 млрд. долларов [6. С. 144]. На официальном сайте МВД России в материалах о торговле людьми утверждается, что доходы работоторговцев достигают 60 млрд. долларов в год. [7. С. 4].

На сегодняшний день проблема торговли людьми и принудительного труда является объектом каждодневной борьбы правозащитных организаций и правовых органов. Но этого недостаточно для решения этой проблемы. Только одними законами о наказании за данный вид преступности нельзя обойтись. Главным образом факторами распространения принудительного труда являются социальные аспекты. Для решения этой проблемы нужно применять такие методы борьбы как увеличение благосостояния и повышение образования людей. Пока же риски от торговли людьми низки, а доходы криминальных организаций достигают гигантских сумм (которые даже трудно определить точно), поэтому современный мир пока не готов к полному уничтожению такого позорного явления как торговля людьми и принудительный труд.

Литература

1. Всемирный доклад о торговле людьми ООН, 2014 [Электронный ресурс] / Официальный сайт ООН. – URL: http://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/glotip/GLOTIP14_ExSum_russian.pdf (дата обращения: 09.04.2017).
2. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс] / Организация Объединенных Наций [Официальный сайт]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml (дата обращения: 09.04.2017).
3. Типовой закон о борьбе с торговлей людьми УНД ООН, 2010 [Электронный ресурс] / Официальный сайт УНД ООН. – URL: https://www.unodc.org/documents/human-trafficking/TIP_Model_law_Ru_0986359pdf.pdf (дата обращения: 09.04.2017).
4. Торговля людьми с целью принудительного труда МБТ, 2006 [Электронный ресурс] / Официальный сайт МОТ. – URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---declaration/documents/instructionalmaterial/wcms_082010.pdf (дата обращения: 10.04.2017).
5. Тюрюканова Е.В. Торговля людьми в Российской Федерации. Обзор и анализ текущей ситуации по проблеме [Электронный ресурс] / Е. В. Тюрюканова. – Электрон. дан. – Москва, 2006. – 160 с. – URL: http://www.un.org/ru/rights/trafficking/human_trafficking_russia.pdf
6. Карпович О. Г. Экономическая преступность в США: [монография : научная специальность 12.00.08 "Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право"] / О. Г. Карпович. - Москва : ЮНИТИ [и др.], 2013. - 165, [2] с.- (Научные издания для юристов)
7. МВД России: Осторожно, торговля людьми! [Электронный ресурс] / Официальный сайт МВД России. – Электрон. текстовые дан. – М., 2012. – URL: https://mvd.ru/upload/site1/oper_up/booklet_trafficing_web_1.pdf (дата обращения: 11.04.2016)

Науч. рук. – канд. ист. наук, Г.Г. Супрыгина

Tungatarova A.K. TRAFFICKING AS THE AIM OF COERCION TO SLAVE LABOR. The purpose of this study is the problem of trafficking which has evolved into one of the areas of transnational organized crime. In article there are the definition of trafficking by the UN, which mean activities such as the recruitment, transportation, transfer, harbouring or receipt of persons, by means of the threat or use of force or other forms of coercion. Toward human trafficking related forms of sexual exploitation, removal of organs and forced labor. Victims of trafficking are a variety of people regardless of gender and age. The increase of the number of forced labor victims is one of the actual modern problems, which required urgent solution.

Keywords: human trafficking, compulsory labour, forced labour, crime.

Информация об авторах:

Аасер Эрленд Берн, магистрант, Норвежский университет наук о жизни, г. Ос, Норвегия. Email: erlend.bern.aaser@nmbu.no

Антонов Андрей Алексеевич, магистрант 1 курса Отделения международных отношений исторического факультета Томского государственного университета. Email: watson310894@gmail.com

Базуева Юлия Григорьевна, студентка 4-го курса Отделения международных отношений Исторического факультета Томского государственного университета. Email: iuliabazueva@gmail.com

Белкина Полина Юрьевна, магистрант 2 курса отделения Международных отношений Исторического факультета Томского государственного университета. Email: polina.belkina.vot@gmail.com

Бурбо Эва, магистрант 1 курса Отделения международных отношений исторического факультета Томского государственного университета. Email: eva.burbo.@gmail.com

Гейдрович Яна Дмитриевна, студентка 4-го курса Отделения международных отношений Исторического факультета Томского государственного университета. Email: iana.geidrovich@gmail.com

Генрих Виолетта Андреевна, студентка 4-го курса Отделения международных отношений Исторического факультета Томского государственного университета. Email: violagood@gmail.com

Злобина Елизавета Олеговна, студентка 3-го курса Отделения международных отношений Исторического факультета Томского государственного университета. Email: Liza_zlob@mail.ru

Катаман Дмитрий Олегович, аспирант, исторический факультет, ОмГУ им. Ф.М. Достоевского. Email: katamandmitry@gmail.com

Кравцова Алёна Николаевна, Центр молодёжных исследований НИУ «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург. Email: ankravtsova@edu.hse.ru

Лескина Наталья Владимировна, аспирант, кафедра теории и истории международных отношений, институт социальных и политических наук, Уральский федеральный университет.

Сельденрайх Екатерина Ивановна, магистрант 1 курса Отделения международных отношений Исторического факультета Томского государственного университета. Email: katusuper01@mail.ru

Суслова Софья Геннадьевна, магистрант 1 курса Отделения международных отношений исторического факультета Томского государственного университета. Email: sofyasuslova@yandex.ru

Терешкина Айгуль Руслановна, студентка 3-го курса Отделения международных отношений исторического факультета Томского государственного университета. Email: tereshkina7@gmail.com

Тунгатарова Анар Канатбековна, студентка 3-го курса Отделения международных отношений Исторического факультета Томского государственного университета. Email: anya_tungatarova@mail.ru